

Свидетели «великого перелома»: переписка С.Л. Франка и А. Эйнштейна

Т. Оболевич, А.С. Цыганков

В публикации переписки Семена Людвиговича Франка и Альберта Эйнштейна, которые хранятся в архиве физика в Еврейском университете Иерусалима, находят свое освещение политические события в Советской России конца 1920-х — начала 1930-х гг. Письма сохраняют актуальность для современных философов и ученых-гуманитариев, поскольку расширяют контекстуальное поле наших представлений об общении русских и европейских интеллектуалов первой половины XX в., а также о сдвигах в их мировоззрении под влиянием происходящего. Франк анализировал официальные источники (советские газеты) того времени и пытался показать Эйнштейну их политическую и идеологическую ангажированность, особенно при освещении громких судебных процессов. Именно такой мировоззренческой установки по отношению к советской России придерживался Франк в годы эмигрантской жизни в Германии. Философ акцентировал внимание Эйнштейна на тех злоупотреблениях и правонарушениях, которые совершались в Советской России в это время. В письмах к Эйнштейну Франк стремился добиться от него публичного осуждения действий советской власти, надеясь, что оно будет способствовать прекращению репрессий. В итоге Франку все-таки удалось убедить Эйнштейна в правоте своей позиции и преодолеть его чрезмерную осторожность и недоверчивость. Публикуемый с разрешения правообладателей архивный материал ранее не был введен в научный оборот и печатается впервые.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архив, переписка, советские газеты, С.Л. Франк, А. Эйнштейн, советская Россия.

ОБОЛЕВИЧ Тереза — доктор философии, профессор, заведующая кафедрой философии религии. Папский университет Иоанна Павла II (Краков, Польша).

tereza.obolevich@upjp2.edu.pl

ЦЫГАНКОВ Александр Сергеевич — кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН, Москва.

m1ldian@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15 мая 2018 г.

Цитирование: *Оболевич Т., Цыганков А.С.* Свидетели «великого перелома»: переписка С.Л. Франка и А. Эйнштейна // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 111–116.

2017 год был отмечен столетним юбилеем таких знаковых событий в российской истории, как революция февраля, а затем и октября 1917 г. Несмотря на противоречивое отношение к революционным изменениям в стране, практически все русские мыслители видели в них новую веху мировой истории. Понять и осмыслить последствия российской революции и сущность новой власти, которая установилась в России, пытался также С.Л. Франк. Известен целый ряд работ Франка (как опубликованных, так и архивных), посвященных революции и советской власти. Многие из них только начинают вводиться в научный оборот. Поселившийся после вынужденной эмиграции из советской России в 1922 г. в Германии Франк в качестве одной из своих жизненно

важных, ключевых установок выбрал просветительскую позицию по отношению к революции и советской власти. Так философ доступными ему способами — в первую очередь, посредством публичных выступлений и публикаций — пытался рассказать о происходящих на его родине общественно-политических и культурных преобразованиях. При этом зачастую реализация просветительской цели требовала от Франка значительных духовных и эмоциональных усилий, о чем свидетельствует его переписка со знаменитым физиком А. Эйнштейном.

Эйнштейн, подобно многим другим западным ученым и деятелям культуры того времени, был весьма высокого мнения о советской власти и о потенциальных возможностях научной работы в Советском Союзе. Вопрос о его отношении к России и связи с русской культурой — тема отдельной статьи. Здесь отметим, что Эйнштейн восхищался творчеством Достоевского, о чем в 1919 г. писал своему другу физику Паулю Эренфесту. А в 1930 г. признавался, что русский писатель оказал на него даже большее влияние, чем Гаус [Vucinich 2001, 2]. Есть мнение, что зять Эйнштейна, писатель и журналист Рудольф Кайзер, мог знать русский язык [Хазан 2014, 36, 111]. Сам создатель теории относительности был членом пацифистской организации «Союз нового отечества», которая после Первой мировой войны ставила перед собой задачу улучшения немецко-российских отношений. Он участвовал в работе созданного по призыву В.И. Ленина 2 августа 1921 г. Международного комитета рабочей помощи голодающим в России, а также Центрального комитета «Общества друзей новой России» [Беркович 2018, 208–209; Grundmann 2004, 242–244, 248–254].

Первое письмо С.Л. Франка А. Эйнштейну датировано 12 декабря 1924 г. и непосредственно относится к деятельности Франка в Русском научном институте в Берлине, в котором он одно время являлся проректором. В тот же день Франк сообщал Н.А. Бердяеву о финансовой поддержке, оказываемой немецким физиком: «Заведует распределением проф. Эйнштейн в Берлине и некий проф. Рейнольд в Берне; наш Институт получил из этого фонда сумму, которая пошла на выплату месячного жалования, так что я и Карсавин фактически получили по 250 мар<ок>. Я нахожусь в личных сношениях с Эйнштейном по этим делам и стараюсь восстановить хотя бы Ваши права (настаивать на правах меня и Карсавина мне неудобно, да это было бы и бесполезно). По моей просьбе Эйнштейн обещал написать Рейнольду, чтобы Вам из этого фонда была выдана субсидия» [Гапоненков 2014, 135].

Следующее письмо написано Франком спустя практически 4 года — 15 февраля 1928 г. Очевидно, оно является ответом на вопрос Эйнштейна о политических предпочтениях философа. Само же обращение Эйнштейна к русскому мыслителю связано с письмом Пауля Эренфеста, которое тот отправил Эйнштейну 13 февраля 1928 г. и которое хранится в иерусалимском архиве. В нем Эренфест просил Эйнштейна походатайствовать за Франка, который хотел получить должность библиотекаря при секретариате Лиги Наций [Ehrenfest 1928]. Как отмечал сам Эренфест, он познакомился с Семеном Людвиговичем благодаря его брату-математику Михаилу Франку. Знакомство, судя по письмам, могло произойти в Санкт-Петербурге около 1908 г. (часть писем П. Эренфеста и его супруги Татьяны Алексеевны Эренфест-Афанасьевой к С.Л. Франку хранится в 6 коробке Бахметьевского архива, Нью-Йорк, США.) К сожалению, неизвестно, согласился ли Эйнштейн, который тогда был членом Комитета по интеллектуальному сотрудничеству Лиги наций, дать Франку рекомендательное письмо.

На наш взгляд, главный этап в переписке Эйнштейна и Франка наступил весной 1929 г., когда объектом обсуждения стали события, происходящие в советской России в связи с началом «великого перелома» и уходом страны от НЭПа. Это время печально известно как начало политических репрессий по отношению к разным слоям советского общества. Именно эта тема стала главным смысловым звеном переписки физика и философа в 1929–1930 гг. В письмах Франка читатель может увидеть отображения таких политических процессов, как «Шахтинское дело», «Дело вредителей на транспорте», «Дело вредителей рабочего снабжения» и «Дело Академии наук». В переписке с А. Эйнштейном Франк пытался представить положение дел в России, опираясь на собственный интеллектуальный опыт и неформальное общение, а не на официальные

источники (советские газеты). При этом желание Франка привлечь внимание Эйнштейна к явным нарушениям логики здравого смысла в советских газетных материалах подчинено другому более значимому стремлению — хоть как-то повлиять на происходящие в России события и предотвратить новые злоупотребления власти.

Поначалу Эйнштейн скептически отнесся к словам Франка и даже советовал русскому философу вернуться на родину, предлагая свое посредничество в этом деликатном вопросе. Франк был готов рискнуть, чтобы убедить великого физика в серьезности политической ситуации в советской России. Тем не менее Эйнштейн продолжал отрицать представленные Франком факты политических репрессий. В письмах к философу можно прочесть: «То, что Вы ощущаете как низость и тиранию, вероятно, является фанатизмом в соединении с подозрительностью» (см. письмо Эйнштейна Франку от 02.05.1929) и: «...лучшие мои друзья и сотрудники информируют меня о превосходной атмосфере, которая царит в России в среде студенчества и ученых. Таким образом, не все, может быть, так мрачно, как Вам это представляется» (см. письмо Эйнштейна Франку от 07.07.1929). Только в последнем из сохранившихся писем Эйнштейн поменял позицию: «Вследствие событий последнего времени я тоже считаю доказанным, что в России по политическим причинам власти позволяют убивать невинных людей на основе ложных обвинений для того, чтобы сложить с себя ответственность за неудачи своих начинаний. Теперь я убежден, что Вы были правы уже и в первом случае» (см.: письмо Эйнштейна Франку от 12.11.1929, а также [Оболевич 2017, 122]).

Как отмечает Е.М. Беркович, привлечь внимание Эйнштейна к происходящим в СССР показательным процессам пытался еще один эмигрант — экономист и общественный деятель — Борис Давыдович Бруцкус. В результате, Эйнштейн все-таки подписал письмо против «красного террора»: «...в абсурдном обвинении сорока восемью специалистами народного хозяйства в организации голода создатель теории относительности увидел “либо отчаяние загнанного в угол режима, либо массовый психоз, либо смесь и того и другого... Очень печально, что развитие СССР, на которое мы смотрели с надеждой, ведет к таким ужасным вещам”», однако под влиянием окружения, в котором было немало немецких коммунистов, «подпись Эйнштейна под письмом протеста продержалась недолго» [Беркович 2018, 211–212]. Более того, в журнале *Das neue Russland* вышло опровержение, опубликованное его другом Германом Мюнинцем, получившим впоследствии кафедру высшей математики в Ленинградском университете. В интервью корреспонденту Роста, опубликованном в газете «Известия» и газете «Правда», под заголовком «Знаменитый ученый А. Эйнштейн считает, что Советский Союз добился величайших достижений», Мюнинц передал слова Эйнштейна: «Эту подпись я дал тогда после длительных колебаний, доверяя компетентности и честности лиц, просивших ее у меня, и кроме того, я считал психологически невозможным, чтобы люди, несущие полную ответственность за работу по исполнению важнейших технических задач, намеренно вредили цели, которой они должны были служить. Сегодня я глубоко сожалею, что дал эту подпись, потому что потерял убеждение в верности моих тогдашних взглядов. Я тогда не сознавал достаточно, что в особенных условиях СССР возможны вещи, в условиях, для меня обычных, совершенно невозможные» [Беседа с Мюнинцем 1931^a, 2; Беседа с Мюнинцем 1931^b, 4].

После того как в Германии пришли к власти национал-социалисты, Эйнштейн по иронии судьбы получил предложение возглавить академию наук автономной республики немцев Поволжья, которую планировалось создать в Саратове, где в 1917–1921 гг. преподавал Франк. Однако великий физик заявил: «Я убежденный демократ и именно поэтому я не еду в Россию, хотя получил очень радушное приглашение... Сейчас я такой же противник большевизма, как и фашизма. Я выступаю против любых диктатур» [Einstein 2004, 234]. В целом стоит сказать, что отношение Эйнштейна к советской власти было амбивалентным [Rowe, Schulmann 2007, 406–458].

Предлагаемые вниманию читателя письма хранятся в архиве А. Эйнштейна Еврейского университета в Иерусалиме и публикуются с согласия его хранителей. Оригиналы писем написаны чернилами. Местами в тексте встречаются подчеркивания, сде-

ланные Франком и обозначенные нами полужирным шрифтом. Хотим выразить благодарность сотрудникам архива: Orith Burla Barnea, Lisa Black и Chaya Becker за содействие и посредничество в получении разрешения на публикацию от издательства Princeton University Press, которое наряду с архивом является хранителем авторских прав Эйнштейна. Кроме этого, нам хотелось бы выразить искреннюю признательность почетному профессору Высшей школы философии в Мюнхене Петеру Элену, который взял на себя труд вычитки немецкоязычной расшифровки, и главному библиотекарю Российской государственной библиотеки Елене Чибисовой за информационную поддержку нашей работы.

Источники — Primary sources in Russian

Беседа с Мюнинц 1931^a — Знаменитый ученый А. Эйнштейн считает, что Советский союз добился величайших достижений. Беседа с проф. Мюнинц — научным сотрудником Эйнштейна // Известия. 1931. 17 сентября. № 257. С. 2 [*The famous scientist A. Einstein believes that the Soviet Union has achieved the greatest achievements. A talk with prof. Münintz — the Reaserch Assistant of Einstein* (In Russian)].

Беседа с Мюнинц 1931^b — Знаменитый ученый А. Эйнштейн считает, что Советский союз добился величайших достижений. Беседа с проф. Мюнинц — научным сотрудником Эйнштейна // Правда. 1931. 18 сентября. № 258. С. 4 [*The famous scientist A. Einstein believes that the Soviet Union has achieved the greatest achievements. A talk with prof. Münintz — the Reaserch Assistant of Einstein* (In Russian)].

Беседа с Троцким 1922 — Тов. Троцкий об отношении Европы и Америки // Известия. 1922. 30 августа. № 193. С. 1. [*Comrade Trotsky on the relations between Europe and America* (In Russian)].

Вредители на транспорте 1929 — Вредители на транспорте. Заговор, который ликвидирован // Вечерняя Москва. 1929. 28 мая. № 119. С. 1 [*Vermis on transport. Conspiracy that is eliminated* (In Russian)].

Гапоненков 2014 — Из переписки С.Л. Франка и Н.А. Бердяева (1923–1926) / Публ. А.А. Гапоненкова // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 131–154 [Gaponenkov, Aleksey A. (publ.) *S.L. Frank, N.A. Berdyayev. From the Correspondence (1923–1926)* (In Russian)].

Горький 1983 — Горький М. О Гарине-Михайловском // Н.Г. Гарин-Михайловский в воспоминаниях современников. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1983 [Gorky Maksim, *About Garin-Mikhailovsky* (In Russian)].

Минц 1928 — Минц И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI международном конгрессе историков в Норвегии // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 84–96 [Mints, Isaak I. *Marxists on a Berlin historical week and VIth international historical congress in Norway* (In Russian)].

Первое предостережение 1922 — Первое предостережение // Правда. 1922. 31.02. № 194. С. 1 [*The first warning* (In Russian)].

Раскрыта контрреволюционная организация 1930 — Раскрыта контрреволюционная организация вредителей рабочего снабжения // Правда. 1930. 22 сентября. № 262. С. 3–4 [*The counterrevolutionary organization of the vermins of the worker supply is unmasked* (In Russian)].

Саратовский текст 2006 — Из устных воспоминаний Т.С. Франк // Саратовский текст. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2006 [*From verbal recollections of T.S. Frank* (In Russian)]

Филлипов 1893 web — Филлипов М.М. Иммануил Кант. Его жизнь и философская деятельность // http://az.lib.ru/f/filippow_m_m/text_1893_kant.shtml [Filippov, Mikhail M. *Immanuel Kant. His life and philosophical working* (In Russian)].

Хазан 2014 — Исцеление для неизлечимых. Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост. В. Хазан, М.: Водолей, 2014 [Khazan, Vladimir (ed.) *Healing for the incurable. The epistolary dialogue of Lev Shestov and Max Eitingon* (In Russian)].

Primary Sources in German and English

Ehrenfest, Paul (1928) 'Letter to A. Einstein, 13.2.1928', The Hebrew University of Jerusalem. Example: Frank, Semen L. & Einstein, A. Arch. no. [10 176].

Einstein, Albert (2004) *Über den Frieden. Weltordnung oder Weltuntergang?* Hrsg. von Otto Nathan und Heinz Norden, Abraham Melzer Verlag, Neu Isenburg.

Rowe, David E., Schulmann, Robert (2007) eds. *Einstein on Politics. His Private Thoughts and Public Stands on Nationalism, Zionism, War, Peace, and the Bomb*, Princeton University Press, Princeton, Oxford. Hoover Institution Archives. Girs, Mikhail N. Box 21. Folder 21–1.

Gewissen der Sowjetmachthaber (1928) 'An das Gewissen der Sowjetmachthaber. Protest der deutschen Politiker gegen die Todesurteile im Schacht-Prozess', *Vossische Zeitung*, Juli 8, 319, p. 1.

Moskau (1929) 'Moskau lässt erschießen. Die G.P.U. an der Arbeit', *Vossische Zeitung*, Mai 24, 241, p. 1.

Seekkrankheit (1929) 'Seekkrankheit an der Eisenbahn. Weswegen man im Sowjet-Reich erschossen wird', *Vossische Zeitung*, Mai 29, 249, p. 1.

Weitere Verhaftungen (1929) 'Weitere Verhaftungen in Russland. Die G.P.U. an der Arbeit', *Vossische Zeitung*, Dezember 1, 567, p. 3.

Ссылки – References in Russian

Ананьич, Панеях 1999 – *Ананьич Б.В., Панеях В.М.* Следствие в Москве по Академическому делу // Русский исторический журнал. 1999. Т. 3. № 3. С. 93–113.

Беркович 2018 – *Беркович Е.М.* Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века. М.: URSS, 2018.

Коган 1993 – *Коган Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» (новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 61–84.

Оболевич 2017 – *Оболевич Т.* Семен Франк. Штрихи к портрету философа. М.: Издательство ББИ, 2017.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 11. P. 111–116

The Witnesses of “The Great Break”: S.L. Frank and A. Einstein’s Correspondence

Teresa Obolevich, Alexander S. Tsygankov

In the publication of the correspondence of Semyon Ludvigovich Frank and Albert Einstein, that is stored in the physician’s archive at the Jewish University of Jerusalem, find their coverage the political events in Soviet Russia in the late 1920’s – early 1930’s. Letters keep their relevance for modern philosophers and humanitarians, as long as they expand the contextual field of our notions about the communication of Russian and European intellectuals of the first half of the XXth century, as well as their ideological shifts under the influence of what was happening. Frank analyzed the official sources (Soviet newspapers) of the time and tried to show Einstein their political and ideological bias, especially by covering high-profile judicial proceedings. It is exactly the worldview on Soviet Russia that Frank hold to during the years of emigrant life in Germany. The philosopher drew Einstein’s attention to the abuses and law violations, that took place in Soviet Russia at that time. In letters to Einstein, Frank sought to get him to publicly condemn the actions of the Soviet government, in hope that it would contribute to stop the repressions. In the end, Frank managed to convince Einstein of the rightfulness of his position and to overcome his excessive caution and distrustfulness. The archive material published with the permission of the right holders has not been put into scientific circulation before and is printed for the first time.

KEY WORDS: archive, correspondence, Soviet newspapers, S.L. Frank, A. Einstein, Soviet Russia.

OBOLEVICH Teresa – Dr. hab., professor, head of the Chair of Philosophy of Religion at the Pontifical University John Paul II, Krakow.

tereza.obolevich@upjp2.edu.pl

TSYGANKOV Alexander S. – CSc in Philosophy, Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

m1dian@yandex.ru

Received at May 15, 2018.

Citation: Obolevich, Teresa, Tsygankov, Alexander S. (2018) ‘The Witnesses of “The Great Break”: S.L. Frank and A. Einstein’s Correspondence’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2018), pp. 111–116.

References

- Anan'ich Boris V., Paneyah Viktor M. (1999) 'Moscow "Academic case" inquest', *Russkiy istoricheskiy zhurnal*, 3, 3, pp. 93–113 (In Russian).
- Berkovich, Evgenij M. (2018) *Revolution in physics and the fate of its heroes. Albert Einstein in the focus of the history of the twentieth century*, URSS, Moscow (In Russian).
- Grundmann, Siegfried (2004) *The Einstein Dossiers Science and Politics – Einstein's Berlin Period with an Appendix on Einstein's FBI File*, Springer, Berlin, Heidelberg.
- Kogan Leonid A. (1993) 'To exile abroad unpitying (further about Russian spiritual elite expatriation)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (1993), pp. 61–84 (In Russian).
- Obolevich, Teresa (2017) *Semen Frank. Strokes to the Portrait of the Philosopher*, BBI, Moscow (In Russian).
- Vucinich, Alexander (2001) *Einstein and Soviet Ideology*, Stanford University Press, Stanford.

Переписка С.Л. Франка и А. Эйнштейна

Франк Эйнштейну

Berlin, den 12. Dezember 1924.

Hochverehrter Herr Professor!

Anbei die Quittung über die zwei Cheques. Die Adresse von Berdjajew ist: Nicolaus Berdjajew, Clamart près Paris (Frankreich), 2, rue Martial Grandchamp.

Erlauben Sie mir, im Namen des russischen wissenschaftlichen Instituts, für Ihre Bemühungen zur Unterstützung der russischen Gelehrter und Studenten, Ihnen meinen herzlichsten Dank auszusprechen.

Es war mir eine Freude, durch diese Angelegenheit Sie persönlich kennen zu lernen. Ich erlaube mir den Wunsch zu äußern, Sie irgend ein mal nicht in solchen verdammten Geldfragen, sondern in allgemeinen wissenschaftlichen und kulturellen Fragen sprechen zu können.

Hochachtungsvoll

S. Frank

Ich bitte Sie auf jeden Fall auch meine Adresse zu notieren: Berlin, W. 30, Karl Schraderstr. 1.

Берлин, 12 декабря 1924 г.

Глубокоуважаемый господин профессор!

К письму прилагается квитанция на два чека. Адрес Бердяева: Nicolaus Berdjajew, Clamart près Paris (Франция), 2, rue Martial Grandchamp.

Позвольте мне от имени Русского научного института¹ выразить Вам сердечную признательность за Ваши усилия по поддержке русских ученых и студентов.

Для меня было радостью благодаря этому делу познакомиться с Вами лично. Позвольте мне выразить желание когда-нибудь получить возможность поговорить с Вами не об этих проклятых денежных вопросах, но об общих научных и культурных вопросах.

С совершенным почтением

С. Франк

Прошу Вас во всяком случае записать и мой адрес: Берлин, W. 30, Karl Schraderstr. 1.

Франк Эйнштейну

Berlin. Halensee,
Joachim-Friedrichstr. 48
den 15.II.1928.

Hochverehrter Herr Professor!

Auf Ihre werthe Anfrage beehre ich mich, Ihnen mitzuteilen, dass ich mich überhaupt politisch in keiner Weise betätige, und dass es mir deshalb ganz leicht ist, auch die formelle Verpflichtung zu übernehmen, falls ich eine Anstellung in der Bibliothek des Völkerbundes in Genf erhalten sollte, von jeglicher politischen Betätigung mich gänzlich fernzuhalten. Dass dadurch meine Freiheit nicht beeinträchtigt wird, als eines Gelehrten, der sich seinem Fache nach auch mit soziologischen und sozialphilosophischen Studien befasst, in diesen meinen Studien in streng sachlich-wissenschaftlicher Form, fern jeglichem agitatorischen Beigeschmack, auch Probleme zu behandeln, die mit der gegenwärtigen Entwicklung Russlands in Zusammenhange stehen — das scheint mir selbstverständlich zu sein.

Mit vorzüglicher Hochachtung

Ihr sehr ergebener

Prof. Simon Frank

Глубокоуважаемый господин профессор!

На Ваш ценный запрос², имею честь сообщить Вам, что я в принципе не занимаюсь политической деятельностью ни в каком виде и что поэтому мне совершенно нетрудно взять на себя формальное обязательство — в случае получения мной места в библиотеке Лиги наций в Женеве — вообще воздерживаться от любой политической деятельности. Что из-за этого не пострадает моя свобода как ученого, занимающегося по специальности также социологическими и социально-философскими исследованиями, рассматривать в этих исследованиях также проблемы, связанные с современным развитием России в строго объективно-научной форме, далекой от всякого агитационного привкуса, кажется мне само собою разумеющимся.

С глубоким уважением,
весьма Вам преданный
Проф. Семен Франк

Эйнштейн Франку

Berlin. W.den 8. April 1929
Haberlandstr. 5

Hochgeehrter Herr Professor Frank!

Herr Staatsrat Teitel und Herr Rabbiner Emil Cohn waren bei mir und haben mir das Ehrenpräsidium für eine charitative Aktion zugunsten der russischen Emigrierten angetragen. Ich habe dies zunächst abgelehnt, war jedoch geneigt, dem engeren Comité anzugehören. Ich habe dies nachträglich wieder rückgängig gemacht, und zwar aus zwei Gründen:

1. Die Leute haben mich ohne jede Berechtigung in der Presse als ihren Ehrenpräsidenten bezeichnet.
2. Ich habe von ziemlich vertrauenswürdiger Seite eine ungünstige Auskunft über das Geschäftsgebahren der geschäftsführenden Männer erhalten.

Unter Zusicherung strengster Diskretion bitte ich Sie, mir über den letzten Punkt freierherzig Auskunft zu geben, da ich den Leuten nicht unrecht tun, sondern nützen möchte, wenn es die Verhältnisse zulassen.

Um sofortige Auskunft bittet Sie mit herzlichen Grüßen
Ihr ergebener
A. Einstein

Берлин. W. 8 апреля 1929 г.
Хаберландштр. 5

Глубокоуважаемый господин профессор Франк!

Государственный советник господин Тейтель³ и раввин Эмиль Кон⁴ были у меня и просили возглавить в качестве почетного президента благотворительную акцию в пользу русских эмигрантов. Сначала я отверг это предложение, но все же склонялся к тому, чтобы войти в небольшой комитет. Но поразмыслив, снова отказался, а именно по двум причинам:

1. Эти люди без всякого на то права назвали меня в прессе своим президентом.
2. От лиц, вполне заслуживающих доверия, я получил неблагоприятную информацию о том, как ведут себя люди, заправляющие делом.

При соблюдении строжайшей тайны прошу Вас немедленно информировать меня с полной откровенностью относительно последнего пункта, поскольку я не хочу быть несправедливым к этим людям, а только быть им полезным, насколько позволят обстоятельства.

С сердечным приветом, и прошу Вас сразу же информировать меня,
преданный Вам
А. Эйнштейн

Hochverehrter Herr Professor!

Auf Ihren werten Brief vom 8. IV., den ich soeben erhalten habe, beeile ich mich, Ihnen folgendes mitzuteilen.

Von den zwei von Ihnen genannten Persönlichkeiten kenne ich den Herrn Rabbiner Cohn überhaupt nicht; er muss ein Deutscher sein. Dagegen kenne ich den Staatsrat Teitel seit Jahrzehnten sehr gut. Er ist ein Mann von einem ganz unbescholtenen und sehr hohen Rufe, von allen Russen hochgeehrt. In Russland war er vor der Revolution der einzige Richter jüdischer Konfession, und zugleich ständig rastlos charitativ tätig. Sein Haus war damals die Zufluchtsstätte aller politisch Verfolgten. Es ist ein Mann von außerordentlicher Herzensgüte und Selbstaufopferung. Maxim Gorki nennt ihn einmal einen "Heiligen". Auch hier in der Emigration entwickelt er, trotz seines hohen Alters, eine bewundernswürdig energische charitative Tätigkeit. Dass Teitel absichtlich eigennützig oder gesellschaftlich unkorrekt handelt, ist ganz ausgeschlossen. Ich stehe seiner Tätigkeit fern, und kann ganz objektiv Ihnen versichern, dass die von Ihnen erhaltene Auskunft, insofern sie Teitel betrifft, sachlich unzutreffend ist. Das Einzige, was hier möglich wäre, ist, dass Teitel wegen Altersschwäche (er ist schon 78 Jahre alt) die Situation nicht immer übersieht und einzelne Fehler begeht. Jedenfalls verdient, meiner Ansicht nach, Teitel wegen seinem außerordentlichen Rufe und seiner schon 50-jährigen charitativen Tätigkeit, die höchste Nachsicht.

Mit vorzüglicher Hochachtung

Ihr sehr ergebener

S. Frank

Реврюке у Потсдама
Вилла Кризон
10.IV.1929 г.

Глубокоуважаемый господин профессор!

На Ваше ценное письмо от 8.IV., которое я только что получил, спешу сообщить Вам следующее.

Из двух названных Вами личностей раввина Кона я вообще не знаю; он должен быть немцем. Государственного советника господина Тейтеля, напротив, я знаю очень хорошо уже несколько десятилетий. Он человек с совершенно безупречной и очень солидной репутацией, высоко уважаемый всеми русскими. В России до революции он был единственным судьей иудейского вероисповедания и в то же время постоянно неумоимо занимался благотворительной деятельностью. Его дом был тогда убежищем для всех политически преследуемых. Это человек чрезвычайной сердечной доброты и самопожертвования. Максим Горький однажды назвал его «праведником»⁵. И здесь, в эмиграции, несмотря на свой преклонный возраст, он развивает достойную восхищения активную благотворительную деятельность. Что Тейтель намеренно поступает корыстно или общественно некорректно, совершенно исключено. Я далек от его деятельности, и могу Вас совершенно объективно заверить, что полученная Вами информация, поскольку она относится к Тейтелю, по существу дела неверна. Единственное, что было бы здесь возможно, это то, что Тейтель из-за старческой немощи (ему уже 78 лет) не всегда правильно оценивает ситуацию и совершает отдельные ошибки. В любом случае, по моему мнению, Тейтель из-за своей необычайной репутации и своей уже 50-летней благотворительной деятельности заслуживает высшего снисхождения.

С глубоким уважением,

весьма Вам преданный

С. Франк

Berlin. W. den 12. April 1929

Haberlandstr. 5

Sehr geehrter Herr Professor Frank!

Ich danke Ihnen herzlich für die freundliche Auskunft, die sich allerdings mehr auf die Person des Herrn Teitel, als auf die Zuverlässigkeit des Gebarens des von ihm geleiteten Vereins bezieht. So bin ich leider noch immer in Verlegenheit und weiss nicht, wie ich mich dazu stellen soll.

Gestern hatte ich eine ausführliche Besprechung mit zwei Sovjetleuten von der Deutsch-Russischen Gesellschaft "Kultur und Technik". Wir sprachen über die Möglichkeit, emigrierten Gelehrten und sonstigen Arbeitskräften die Rückkehr nach Russland zu ermöglichen. Beide Herren versicherten mir, dass die Rückkehr zur Mitarbeit bereiter Menschen, auch wenn sie das Land in der Zeit des Umsturzes illegal verlassen haben, durchaus erwünscht sei, schon mit Rücksicht auf die Nachfrage nach gut vorgebildeten geistigen Arbeitskräften. Dass es den Herren ernst war, geht schon daraus hervor, dass sie sich sofort bereit erklärten, durch Vermittlung bei der Botschaft in konkreten Fällen mitzuwirken, diese Auskunft hat mir die Hoffnung gegeben, dass nach und nach das Emigriertenelend auf die einzig natürliche Weise gehoben werden könne, wenn auch auf der Seite der Emigrierten ehrliches Entgegenkommen sich durchsetzt.

Es grüsst Sie herzlich

Ihr

A. Einstein

Берлин. W. 12 апреля 1929 г.

Хаберландштр. 5

Глубокоуважаемый господин профессор Франк!

Сердечно благодарю Вас за любезно предоставленную информацию, которая, правда, больше относится к персоне господина Тейтеля, чем к тому, насколько надежно обстоят дела в руководимом им союзе. Так что, к сожалению, я все еще пребываю в сомнении и не знаю, какую позицию мне занять.

Вчера у меня была обстоятельная беседа с двумя советскими деятелями германо-русского общества «Культура и техника»⁶ Мы говорили о возможности возвращения в Россию эмигрировавших ученых и других работников. Оба господина заверили меня, что возвращение тех, кто готов к сотрудничеству, вполне желательно, учитывая уже спрос на хорошо образованные и одухотворенные трудовые силы, даже если речь идет о людях, которые во времена переворота покинули страну нелегально. О серьезности сказанного этими господами свидетельствует уже то, что они сразу же заявили о готовности оказывать содействие в посольстве в конкретных случаях. Эта информация придала мне надежду на то, что бедствия эмигрантов постепенно могут быть преодолены единственным естественным образом, если и со стороны эмигрантов будет преобладать искренность и честность.

Сердечно приветствую Вас

Ваш А. Эйнштейн

Франк Эйнштейну

Rehbrücke bei Potsdam, den 13. April 1929.

Villa Krizon

Hochverehrter Herr Professor!

Im Besitze Ihres werten Briefes vom 12. IV., kann ich noch folgendes in der Teitel-Angelegenheit hinzufügen. Ich wusste und weiß auch jetzt nicht, um welches Unternehmen es sich in dem von Ihnen erwähnten Falle handelt, und kann deshalb darüber kein Urteil fällen. Wenn es sich aber, wie es <aus> Ihrem Briefe hervorgehen scheint, um eine Aktion des von

Teitel geleiteten Vereins – das muss wohl der Verein der russischen Juden im Auslande sein – handelt, so kenne ich ausser Teitel noch mehrere Herren aus dem Vorstande, und weiß ganz sicher, dass sie sehr ehrenwerte, und zuverlässige Persönlichkeiten sind. Ohne persönliche und unmittelbare Erfahrung in diesem Gebiete zu haben, glaube ich doch, Ihnen versichern zu können, dass ein unkorrektes Gebaren dieses Vereins mir ganz unglaublich erscheint. In der russischen Emigration hat dieser Verein den Ruf einer ganz ausserordentlich fruchtbaren, energisch und vorbildlich geführten charitativen Vereinigung.

Was den zweiten Teil Ihres Briefes betrifft, so bin ich Ihnen sehr dankbar, dass Sie dies Thema nochmals berührt haben. Es gibt mir die Möglichkeit, Ihnen meinerseits offen meine Meinung auszusprechen. Sie werden wohl die Offenheit, mit der ich hier sprechen muss, nicht übel nehmen: ich fühle mich zu ihr eben durch die große Achtung vor Ihnen verpflichtet. Weltberühmte Männer, wie Sie, sind in der Lage von Königen: sie sind von Schmeichlern und Lügern umworben, bekommen selten die Wahrheit zu hören, und sind in besonderem Masse verhindert, den wahren Sachverhalt zu erfahren. Ist es eine zu große Zumutung, wenn wir – ich meine hier nicht die russischen Politiker, sondern die Vertreter der russischen Wissenschaft und des freien Geistes – Ihnen gegenüber, als einem Manne, der in sich für unsere Epoche gleichsam den Geist der exakten Wissenschaft verkörpert – die Bitte aussprechen, ein Urteil über russische Verhältnisse nicht auf Grund von fremden Meinungen, und zwar Meinungen einer Partei, sondern auf Grund von Tatsachen zu bilden? Wir, verfolgte und verfluchte Vertreter der Freiheit und der Menschenwürde im jetzigen Russland, haben schon viel Bitteres erlebt. Ich muss Ihnen aber offen sagen: eins vielleicht von unseren bittersten Erlebnissen ist, dass Männer, wie Sie, dessen Wort eine ganz einzigartige kulturelle und auch politische Bedeutung hat – den Vertretern des schamlosesten und zynischsten Despotismus, den die Welt je gesehen hat, unumschränktes Glauben und Sympathie – selbstverständlich ganz ahnungslos – entgegenbringen. Es handelt sich hier gar nicht um die Beurteilung des sozialpolitischen Programm des Kommunismus: obwohl alle Fachmänner und objektive Beurteiler hier einer Meinung sind, dass dieses System nicht zum Aufblühen des Lebens, sondern nur zum Verfall, Elend und Zerstörung führt, geht in unserem prinzipiellen Zusammenhang dieses Problem uns gar nichts an. Es handelt sich vielleicht nur um die Tatsache allein, dass die heutigen Herrscher Russlands unter “ehrlichem Entgegenkommen” nur absolute Gewissenlosigkeit, knechtisch-passive Anpassung oder sogar schmeichlerische Zustimmung zu jedem Unrecht verstehen, das den Despoten zu begehen beliebt. Haben Sie z.B. eine Ahnung, was der “Schachty-Prozess” in Wahrheit war? Um der Unzufriedenheit der Arbeiter mit dem gänzlichen Verfall des Bergwerkswesens vorzubeugen, wählte sich die Regierung ganz unschuldige Opfer von den Ingenieuren, wobei die Verurteilungen, teilweise zur Todesstrafe, ein neues zynisches politisches Manöver waren. Einer der Angeklagten, der beste russische Bergfachmann Rabinowitsch, politisch sehr linksstehend und die Revolution unumwunden anerkennender Mann, der der Regierung half, das Bergwerkswesen wieder aufzubauen, forderte dabei selber für sich die Todesstrafe, weil, wie er sagte, sein Leben, wo ehrliche Arbeit und Entgegenkommen durch Verleumdung und Verfolgung beantwortet wurde, für ihn jeglichen Sinn verloren hat. Wir, russische Gelehrte, die nicht freiwillig emigrierten, sondern gewillt waren, bis ans Ende auszuharren und dem russischen Volke und der Wissenschaft ehrlich zu dienen, wurden doch ausgewiesen, weil wir die Freiheit der wissenschaftlichen Meinung – und zwar in bescheidenster und resigniertester Form, nach Kants Prinzip, in der schlimmsten Zeit der preußischen Reaktion formuliert: “man ist moralisch nicht verpflichtet, die volle Wahrheit auszusprechen, man ist nur verpflichtet, sich der Lüge zu enthalten” – aufrecht erhalten wollten. Und zwar hat uns damals die Sowjetregierung angeklagt, “mit fremden Mächten intrigiert und Spionage getrieben zu haben”, wobei aber die Vertreter des GPU uns mit zynischer Offenheit erklärten, die ganze Anklage sei nur eine Fiktion, um einen rechtlichen Vorwand zur Ausweisung zu haben. Und Trotzki erklärte damals einem ausländischen Korrespondenten, diese Ausweisung zeuge von einer humanen Gesinnung der Regierung, da sie anderenfalls bei einem Kriegeausbruche uns als Spione erschießen müsste. Jetzt hat Trotzki selber, nur weil er für seine eigene Person einen Kern von Menschenwürde behalten hat und nicht jede Infamie und Dummheit Stalins anerkennen wollte, dasselbe Schicksal erfahren.

Der Vorschlag, den Ihnen Sowjetsherren machten, enthält für uns nichts neues. Es wird ständig versucht, — teilweise leider mit Erfolg, wie es auch in diesem Falle Ihnen gegenüber — die Emigranten dadurch zu kompromittieren, dass man den “guten Willen” der Sowjetregierung der bösen Gesinnung ihrer Feinde entgegenstellt. Freilich gilt dieser Vorschlag den Vertretern der Geisteswissenschaft gegenüber überhaupt nicht, weil wir den Priestern der alleinseigmachenden marxistisch-bolschewistischen Kirche als Häretiker von vornherein verhasst und unannehmbar erscheinen. Aber Vertretern der technischen Wissenschaft und des technischen Könnens wird dieser Vorschlag von Zeit zu Zeit wirklich gemacht. Findet sich ein leichtgläubiger oder vor Hunger zu allem bereiter Emigrant, der darauf eingeht, so hat er sich zur absoluten Sklaverei verkauft. Solche leicht käuflichen Menschen verachtet die Sowjetregierung selber: keine Erniedrigung bleibt ihnen erspart, und nachdem sie alle Schmach genossen haben, werden sie ihres Amtes enthoben und hinausgeworfen, weil sie doch einmal in ihrem Leben sich nicht als gefügige Sklaven benommen haben, und deshalb für immer verdächtig bleiben.

Um Ihnen aber meinerseits meinen guten Willen zu bezeugen, erkläre ich mich hiermit bereit, auf den Vorschlag einzugehen. Ich bin bereit, nach Russland zurückzukehren, mich jeder politischen Tätigkeit, ja, jeglicher politischen Äußerung zu enthalten, wenn die Sowjetregierung ihrerseits sich Ihnen gegenüber öffentlich dafür verbürgt, dass ich einen Lehrstuhl an einer russischen Universität erhalte und meine philosophische Ueberzeugungen frei lehren darf. Ich würde dabei sehr viel riskieren, oder vielmehr: mit derselben Sicherheit, mit der man ein astronomisches Ereignis vorhersagen kann, weiß ich im Voraus, dass die Sowjetregierung ihr feierliches Versprechen nicht einhalten würde, sondern mich sehr bald wieder verhaften, entweder wegen neuer angeblichen Verbrechen zu Tode verurteilen oder irgendwie mühe zu machen versuchen würde, vielleicht schon an der Grenze verhaften würde. Haben Sie aber Lust zu diesem experimentum in anima vili, und wollen Sie mir versprechen, von diesem Experiment belehrt zu werden und es öffentlich zu bekennen, so stelle ich mich dazu als ein Versuchskaninchen zur Verfügung.

Verzeihen Sie mir gütigst diesen langen und offenen Brief. Wünschen Sie irgendwelche weitere Auskunft in dieser allgemeinen Frage, die vielleicht die bedeutendste Frage des ganzen heutigen öffentlichen Lebens ist, so bin ich ständig bereit, Ihnen alle möglichen Belege und Materialien zur Verfügung zu stellen.

Mit tiefster Hochachtung und herzlichsten Grüßen

Ihr sehr ergebener

S. Frank

Ребруке у Потсдама, 13 апреля 1929 г.

Вилла Krizon

Глубокоуважаемый господин профессор!

Получив Ваше ценное письмо от 12.IV., могу добавить по вопросу о Тейтеле лишь следующее. Я не знал и до сих пор не знаю, о каком деле идет речь в упомянутом Вами случае. И поэтому я не могу вынести о нем никакого суждения. Но если, как это, кажется, следует из Вашего письма, здесь идет речь об акции союза, руководимого Тейтелем — это должен быть, вероятно, Союз русских евреев за границей⁷, — то кроме Тейтеля я знаком еще со многими господами из правления и знаю совершенно точно, что они являются весьма достойными и надежными личностями. Не располагая личным и непосредственным опытом в этой области, я все же полагаю, что могу заверить Вас в том, что некорректное поведение этого союза мне представляется совершенно невероятным. В русской эмиграции этот союз имеет репутацию плодотворного, энергично и образцово управляемого благотворительного объединения.

Что касается второй части Вашего письма, то я очень благодарен Вам за то, что Вы еще раз затронули эту тему. Это дает мне возможность со своей стороны открыто высказать Вам мое мнение. Вы, вероятно, не обидитесь на ту прямоту, с которой я должен здесь говорить: меня к этому обязывает именно великое к Вам уважение. Такие, как

Вы, всемирно известные люди находятся в положении королей: они окружены льстецами и лгунами, редко слышат правду и им особенно сложно узнать о настоящем положении дел. Не будет ли чрезмерно большим требованием, если мы — здесь я имею в виду не русских политиков, но представителей русской науки и свободного духа — попросим Вас как человека, который для нашей эпохи воплощает в себе как бы дух точной науки, формировать свои суждения об обстановке в России не на основании чужих мнений, а именно мнений одной партии, но на основании фактов? Мы — преследуемые и проклятые представители свободы и человеческого достоинства в нынешней России — пережили уже много горького. Однако я должен Вам открыто сказать: одно из наших, вероятно, самых горьких переживаний состоит в том, что такие люди, как Вы, чье слово имеет совершенно особое культурное, как и политическое значение, проявляют — разумеется, сами того не сознавая, — в отношении представителей самого бесстыдного и циничного деспотизма, который когда-либо видел мир, безграничную веру и симпатию. Здесь речь вовсе не идет об оценке социально-политической программы коммунизма, — хотя все специалисты и объективные критики едины во мнении, что эта система ведет не к расцвету жизни, но к упадку, нищете и разрушению, — в нашем принципиальном контексте эта проблема нас вообще не касается. Наоборот, здесь идет речь лишь о том факте, что современные правители России под «искренностью и честностью» понимают лишь абсолютную бессовестность, рабски пассивное приспособление или даже льстивое согласие с любой несправедливостью, которая приходится по вкусу деспотам. Имеете ли Вы, к примеру, представление о том, чем в действительности был «Шахтинский процесс»⁸? Для того чтобы предупредить недоверие рабочих полным упадком горного дела, правительство избрало себе совершенно невинных жертв среди инженеров. При этом приговоры, часть из которых была смертными приговорами, являлись новым циничным политическим маневром. Один из обвиняемых — лучший русский горный специалист Рабинович⁹, придерживавшийся крайне левых политических взглядов и безоговорочно признававший революцию, который помогал правительству восстановить горное дело, сам потребовал для себя смертного приговора, поскольку, как он сказал, его жизнь, в которой честная работа и отзывчивость были оплачены клеветой и преследованием, потеряла для него всякий смысл. Мы, русские ученые, которые эмигрировали не добровольно, но которые до конца были готовы терпеть лишения и честно служить русскому народу и науке, все-таки были высланы, потому что мы хотели сохранить свободу научного мнения хотя бы в ее наиболее скромной и умеренной форме, по принципу Канта, сформулированному в тяжелейшее время прусской реакции: «С моральной точки зрения человек не обязан говорить всю правду, он лишь обязан избегать лжи»¹⁰. И именно тогда советское правительство обвинило нас том, что мы «интриговали с вражескими силами и осуществляли шпионаж»¹¹. При этом представители ГПУ с циничной прямоотой объяснили нам, что все это обвинение лишь фикция для получения правового повода для нашей высылки. А Троцкий объяснил тогда одному иностранному корреспонденту, что эта высылка есть свидетельство гуманного образа мыслей правительства, потому как в противном случае если бы началась война, оно должно было бы расстрелять нас как шпионов¹². Теперь самого Троцкого постигла та же участь лишь из-за того, что он в своем лице смог сохранить зерно человеческого достоинства и не захотел признавать каждого позора и глупости Сталина.

Предложение, которое сделали Вам советские господа, не содержит для нас ничего нового. Постоянно совершаются попытки, — которые частично, к сожалению, увенчиваются успехом, как и в этом случае с Вами, — скомпрометировать эмигрантов тем, что «добрым намерениям» советского правительства противопоставляют злые взгляды его врагов. Хотя, разумеется, это предложение вовсе не относится к представителям гуманитарной науки, потому что мы изначально представляемся священникам единственно спасающей марксистско-большевистской церкви в качестве ненавистных и неприемлемых еретиков. Однако представителям технической науки и технических навыков это предложение, действительно, время от времени делается. Если находится легковверный или от голода на все готовый эмигрант, соглашающийся на это, то он

продает себя в абсолютное рабство. Таких с легкостью покупаемых людей презирает само советское правительство: никакое унижение не пройдет мимо них, а после того как они наслаются всем этим позором, их уволят со службы и выбросят на улицу, потому что однажды в своей жизни они все же вели себя не как послушные рабы и поэтому навсегда остаются под подозрением.

Чтобы доказать Вам свою добрую волю, я готов принять предложение. Я готов вернуться в Россию, воздерживаться от любой политической деятельности и даже от любого политического высказывания в том случае, если советское правительство со своей стороны публично гарантирует Вам, что я получу кафедру в русском университете и смогу свободно обучать своим философским убеждениям. При этом я буду очень сильно рисковать или даже более того: с той же точностью, с какой можно предсказать астрономическое явление, я наперед знаю, что советское правительство не сдержит своего торжественного обещания, но очень скоро вновь арестует меня и либо под предлогом новых мнимых преступлений приговорит к смерти, либо каким-то иным способом попытается измотать меня, вероятно, арестует еще на границе. Однако если у Вас есть желание к этому *experimentum in anima vili*¹³ и если Вы пообещаете мне, что извлечете урок из этого эксперимента и признаете это публично, то я готов предоставить себя с этой целью в качестве подопытного кролика.

Простите мне, пожалуйста, великодушно это длинное и откровенное письмо. Если Вы пожелаете получить еще какую-нибудь информацию по этому общему вопросу, который, вероятно, является наиболее значительным вопросом всей сегодняшней общественной жизни, то я всегда готов предоставить Вам все возможные подтверждения и материалы.

С глубочайшим уважением и самым сердечным приветом,

весьма Вам преданный

С. Франк

Эйнштейн Франку

Berlin. W. den 2. Mai 1929

Haberlandstr. 5

Sehr geehrter Herr Professor Frank!

Ich danke Ihnen sehr für die freundliche Aufklärung in Sachen der russischen Vereine, nach der ich mich vollständig gerichtet habe. Ich bin überzeugt, dass ich vorher von verleumderischer Seite schlecht beraten war. —

Ihre leidenschaftlichen Ausführungen zur Rückwanderungsfrage haben grossen Eindruck auf mich gemacht, besonders das resignierte Anerbieten, selbst als Versuchsobjekt zu dienen. Die ganze Tragik der Entwicklung sieht man blitzartig vor sich auftauchen und man begreift, dass es über die Abgründe der Leidenschaft keine Brücken gibt. Was Sie als Schlechtigkeit und Tyrannei empfinden, ist wahrscheinlich Fanatismus in Verbindung mit Misstrauen. Jedenfalls aber sehe ich, dass ich mir von den Schwierigkeiten einer solchen Aktion keine richtige Vorstellung gemacht habe. —

Es grüsst Sie freundlichst und mit bestem Dank für Ihre unbeschränkte Aufrichtigkeit
Ihr A. Einstein

Берлин. W. 2 мая 1929 г.

Хаберландштр. 5

Многоуважаемый господин профессор Франк!

Очень благодарен Вам за сведения, которые Вы по-дружески сообщили о русских объединениях, так что теперь я вполне сориентировался. Убежден, что прежде я получал дурные советы от клеветников.

Ваши страстные рассуждения по вопросу о возвращении русских на родину произвели на меня сильное впечатление, особенно Ваше исполненное смирения предложение самому послужить подопытным объектом. Сразу видишь перед собой весь трагизм происшедшего и понимаешь, что между безднами страстей нет никаких мостов. То, что Вы ощущаете как низость и тиранию, вероятно, является фанатизмом в соединении с подозрительностью. Но во всяком случае я вижу, что не составил себе правильного представления о трудностях такого рода акции.

Приветствую Вас самым дружеским образом и сердечно благодарю за Вашу исключительную искренность.

Ваш А. Эйнштейн

Эйнштейн Франку

Berlin. W. den 1. Juni 1929
Haberlandstr. 5

Sehr geehrter Herr Professor Frank!

Ich danke Ihnen herzlich für den Artikel, der über doch wenig glaubwürdig erscheint. Die Sache würde besser für den ersten April passen. Wahr scheint freilich zu sein, dass wieder grosse Nervosität und Unsicherheit in Russland Platz gegriffen hat.

Herzlich grüsst Sie
Ihr A. Einstein

Берлин. W. 1 июня 1929 г.
Хаберландштр. 5

Многоуважаемый господин профессор Франк!

Сердечно благодарю Вас за статью¹⁴, которая представляется все же малоправдоподобной. Это дело лучше подошло бы к первому апреля. Похоже, конечно, на правду, что в России в очередной раз распространилась большая нервозность и неуверенность.

Сердечно приветствую Вас
Ваш А. Эйнштейн

Франк Эйнштейну

Rehbrücke bei Potsdam, Villa Krizon
den 8.VI.29.

Hochverehrter Herr Professor Einstein!

Trotzdem ich Gefahr laufe, Ihre Nachsicht zu missbrauchen und Ihre Zeit unnütz in Anspruch zu nehmen, fühle ich mich doch verpflichtet, Ihren letzten Brief nicht unbeantwortet zu lassen.

Nach Erhaltung Ihres Briefes habe ich mir die entsprechende Nummer der sowjetischen Zeitung "Wetschernjaja Moskwa" ("Moskau am Abend") — № 119 vom 28. Mai 1929 — verschafft. Ich darf nun auf Grund nicht nur persönlicher Überzeugung, sondern auch Einsicht in die authentische Quelle selber behaupten, dass der Bericht der "Voss[ischen] Zeitung" ganz wortgetreu den Inhalt des betreffenden Aufsatzes der russischen Zeitung zitiert, der eine sowjetsoffizielle Begründung des Todesurteils gegen drei angesehene, und bis jetzt nicht nur unbescholtene, sondern von der Sowjetsregierung selber als verdienstvoll anerkannte Fachmänner enthält. Den Aprilscherz hat sich also nicht der Berichterstatte der "Voss[ischen] Zeitung", sondern das GPU-Kollegium erlaubt, und auf Grund dieses Aprilscherzes hat es in einer geheimen Sitzung, ohne jegliches öffentliches Gerichtsverfahren, das Todesurteil gegen die drei erwähnten Fachmänner gefällt und sofort vollstrecken lassen.

Ich verstehe ganz gut, dass Sie diese Nachricht für unglaublich halten müssten. Leider ist aber vieles, was vom Standpunkte des gesunden Menschenverstandes und des elementaren Moralgefühls unglaublich ist, in Russland jetzt nicht nur Tatsache, sondern ständige Sitte.

Da es in Sowjetrußland weder eine freie Presse, noch unabhängiges Gerichtsverfahren existiert, so ist dort eine Revision solch eines Justiz- oder vielmehr Verwaltungsmordes — wie es etwa in Deutschland jetzt gegenüber dem Jakobowsky-Urteil der Fall ist — selbstverständlich absolut undenkbar.

Wenn Sie wünschen, so kann ich Ihnen das betreffende Dokument nebst einer wortgetreuen deutschen Übersetzung, für deren Richtigkeit ich die volle Garantie übernehme, zugehen lassen.

Ich bitte Sie nochmals, die große Güte zu haben, diese meine neue Belästigung zu entschuldigen. Ich hielt es für meine Pflicht, Ihnen die Möglichkeit zu geben, sich am wirklichen Tatbestande zu orientieren. Die Sache gewinnt jetzt dadurch praktische Bedeutung, dass sechs russische Intellektuellen-Vereine in Berlin sich mit einer gemeinsamen Eingabe in dieser Angelegenheit an die deutsche Liga zum Schutz der Menschenrechte gewendet haben.

Mit vorzüglicher Hochachtung und besten Grüßen

Ihr sehr ergebener

S. Frank

Ребруке у Потсдама, Вилла Кризон

8.VI.29 г.

Глубокоуважаемый господин профессор Эйнштейн!

Несмотря на то, что я рискую злоупотребить Вашей снисходительностью и напрасно занять Ваше время, я все же чувствую себя обязанным не оставить без ответа Ваше последнее письмо.

Получив Ваше письмо я достал соответствующий номер советской газеты “Вечерняя Москва” — № 119 от 28 мая 1929 г. И теперь могу утверждать не только на основании личного убеждения, но и на основании знакомства с аутентичным источником, что сообщение газеты Voss[ische] Zeitung совершенно дословно цитирует соответствующую статью из русской газеты, которая содержит официально-советское обоснование смертного приговора, вынесенного трем уважаемым и до сих пор не только незапятнанным, но и самим советским правительством признанным в качестве заслуженных специалистам. Таким образом, апрельскую шутку позволил себе не автор сообщения в газете Voss[ische] Zeitung, а коллегия ГПУ, и на основании этой апрельской шутки на закрытом заседании, без какого-либо публичного судебного разбирательства, трем упомянутым специалистам был вынесен смертный приговор и тут же приведен в исполнение.

Я очень хорошо понимаю, что Вы должны были счесть это сообщение невероятным. Однако, к сожалению, многое из того, что с точки зрения здравого человеческого рассудка и элементарного нравственного чувства кажется невероятным, в России сейчас является не только фактом, но и устоявшимся обычаем. Поскольку в Советской России не существует ни свободной прессы, ни независимого судопроизводства, то там, разумеется, абсолютно немыслимым представляется пересмотр такого юридического или скорее судебного убийства, как это сейчас происходит в Германии в отношении дела Якубовского¹⁵.

Если Вы пожелаете, то я могу предоставить Вам соответствующий документ вместе с точным немецким переводом, верность которого я полностью гарантирую¹⁶.

Еще раз прошу у Вас о великом снисхождении и прощении за это мое новое беспокойство. Считал своим долгом дать Вам возможность сориентироваться в истинном положении дел. Дело это теперь обрело и практическое значение благодаря тому, что шесть союзов русских интеллектуалов в Берлине обратились с общим заявлением по этому делу в Немецкую лигу по защите прав человека¹⁷.

С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями,
весьма Вам преданный,

С. Франк

Sehr geehrter Herr Professor Frank!

Ich bin Ihnen sehr dafür dankbar, dass Sie sich der Mühe unterzogen haben, diese Angelegenheit bis zu ihrer Quelle zu verfolgen, das Ergebnis macht grossen Eindruck auf mich. Es handelt sich hier zweifellos um ein zynisches Verbrechen der Verwaltung, da geeignet ist, das geeignet ist, jegliches Vertrauen in eine solche Justiz zu erschüttern.

Ich habe auch von einem anderen, durch seine Gerechtigkeitsliebe besonders kompetenten Manne ein vernichtendes Urteil über die gegenwärtigen russischen Machthaber vernommen.

Mit nochmaligem, besten Dank

bin ich

mit freundlichen Grüßen

Ihr A. Einstein.

<следующая фраза приписана чернилами рукой Эйнштейна>

Auf Grund nachträglicher Information widerrufen

A. Einstein

Берлин. W. 12 июня 1929 г.

Хаберландштр. 5

Многоуважаемый господин профессор Франк!

Очень признателен Вам за то, что взяли на себя труд проследить это дело вплоть до его источника, результат производит на меня сильное впечатление. Несомненно, здесь налицо циничное преступление руководства — преступление, способное пошатнуть всякое доверие к подобному правосудию.

От другого еще компетентного человека, проникнутого любовью к справедливости, я слышал уничтожающий отзыв о современных властителях России.

С неизменной признательностью и наилучшими пожеланиями

Ваш А. Эйнштейн.

Отменено на основе последующей информации.

А. Эйнштейн

Франк Эйнштейну

Rehbrücke bei Potsdam

Villa Krizon

den 15. Juni 1929.

Hochverehrter Herr Professor Einstein!

Ich danke Ihnen herzlich für Ihren gütigen Brief, der mir eine so große moralische Befriedigung brachte. Aber gerade daraus erwächst für mich die Pflicht, Ihre Nachsicht wieder in Anspruch zu nehmen und an Sie mit einer Bitte heranzutreten.

Ich bitte Sie nämlich, mir zu erlauben, Ihr Urteil über den Justizmord in Moskau, in der russischen Berliner Zeitung "Rul" zu veröffentlichen. Zur Begründung dieser Bitte möchte ich folgendes anführen. Die drei Ingenieure, die auf Grund lächerlicher Beschuldigungen ohne Gerichtsverfahren erschossen wurden, sind leider nicht die einzigen Opfer der heutigen russischen Herrscher. Die Sowjetregierung sucht die Unzufriedenheit des Volkes durch unschuldige Opfer von sich abzulehnen, und solche Fälle mehren sich leider in der letzten Zeit in erschreckender Weise. Ihr Urteil aber, wie ich schon Gelegenheit hatte, Ihnen es zu sagen, hat eine ganz außerordentliche moralisch-politische Bedeutung. Die Sowjetregierung scheunt sich oft — schon aus volkswirtschaftlichen Gründen — die öffentliche Meinung Europas zu brüskieren. Unter diesen Umständen ist es keine Übertreibung, wenn ich sage, dass die Veröffentlichung Ihres Urteils vielleicht vielen unglücklichen Intellektuellen in Sowjetrussland geradezu das Leben retten kann. Diese Erwägung gibt mir die Freiheit oder vielmehr legt mir die Pflicht auf, an Sie mit dieser Bitte heranzutreten.

Ich würde in einer ganz kurzen Notiz die Tatsache unseres Briefwechsels über die Lage der Fachmänner in Sowjetrussland erwähnen und dann Ihren letzten Brief an mich wörtlich zitieren. Selbstverständlich werde ich Ihre Ermächtigung zu dieser Veröffentlichung nicht ausdrücklich erwähnen, so dass keine Initiative Ihrerseits sichtbar wird. Ich muss aber Ihre Ermächtigung dazu doch haben, denn ohne sie werde ich natürlich mir nicht erlauben, Ihren privaten Brief an mich zu veröffentlichen.

Ich bitte Sie die Lage zu überdenken und wenn es irgendwie für Sie möglich ist, mir die erbetene Erlaubnis zu gewähnen.

Mit nochmaliger Bitte, mir die Belästigung nicht übel zu nehmen, mit vorzüglicher Hochachtung und besten Grüßen

Ihr sehr ergebener

S. Frank

Ребрюке у Потсдама

Вилла Кризон

15 июня 1929 г.

Глубокоуважаемый господин профессор Эйнштейн!

Сердечно благодарю Вас за Ваше доброе письмо, которое принесло мне такое большое моральное удовлетворение. Но именно в этой связи для меня возникает обязанность вновь воспользоваться Вашей снисходительностью и обратиться к Вам с просьбой.

Прошу Вас разрешить мне опубликовать Ваше суждение о судебном убийстве в Москве в русской берлинской газете «Руль»¹⁸. В обоснование этой просьбы я хотел бы сказать следующее. Три инженера, которые были расстреляны на основании смехотворных обвинений без судебного разбирательства, увы, являются не единственными жертвами нынешних правителей России. Советское правительство пытается отвести от себя недовольство народа посредством невинных жертв, и такие случаи в последнее время, к сожалению, множатся ужасным образом. Ваше же суждение, как я уже имел возможность Вам сказать, имеет совершенно чрезвычайное морально-политическое значение. Советское правительство — уже по экономическим причинам — часто опасается провоцировать общественное мнение Европы. При этих обстоятельствах не будет преувеличением, если я скажу, что публикация Вашего суждения, вероятно, сможет в прямом смысле спасти жизнь многим несчастным интеллектуалам в советской России. Подобное соображение дает мне свободу или, скорее, возлагает на меня обязанность обратиться к Вам с этой просьбой.

Я бы в предельно краткой заметке упомянул о факте нашей переписки о положении специалистов в советской России, а затем дословно процитировал бы Ваше последнее письмо ко мне. Разумеется, я не стану прямо упоминать о Вашем разрешении на эту публикацию, и таким образом с Вашей стороны не будет видна никакая инициатива. Однако я все-таки должен иметь Ваше разрешение, так как без него я, конечно, не позволю себе опубликовать Ваше личное письмо ко мне.

Прошу Вас обдумать ситуацию и, если это хоть как-то для Вас возможно, дать разрешение, о котором я прошу.

С повторной просьбой не обижаться на меня за это беспокойство,

с глубоким уважением и наилучшими пожеланиями,

весьма Вам преданный,

С. Франк

Sehr geehrter Herr Professor Frank!

Ich pflege stets für meine Ueberzeugungen einzutreten. Damit ich dies im vorliegenden Falle tun kann, ist für mich zweierlei nötig: Erstens die genaue Kenntnis der Form jener Urteilsbegründung, wie sie in der Sowjetspresse erschienen ist. Zweitens die Kenntnis der Fassung meines Briefes, damit ich sehe, ob ich jedes Wort verantworten kann. Ein Privatbrief ist eine andere Sache als eine Stellungnahme in der Öffentlichkeit.

Indem ich Sie um diese beiden Auskünfte bitte, bin

ich mit den besten Grüßen

Ihr A. Einstein.

Берлин. W. 19 июня 1929 г.

Хаберландштр. 5

Многоуважаемый господин профессор Франк!

Я имею обыкновение всегда выступать за свои убеждения. Для того чтобы я мог сделать это в данном случае, мне необходимы две вещи. Во-первых, точное знание того, как выглядит обоснование приговора, появившееся в советской прессе. Во-вторых, я должен знать отредактированный вариант моего письма, для того чтобы я убедился, что могу отвечать в нем за каждое публичное высказывание своих взглядов.

Испрашивая у Вас информацию по обоим этим вопросам, шлю Вам самый теплый привет

Ваш А. Эйнштейн.

Франк Эйнштейну

Rehbrücke, den 21.VI.1929.

Hochverehrter Herr Professor Einstein!

Ich danke Ihnen herzlich für Ihre Bereitwilligkeit, im Prinzip auf meine Bitte einzugehen.

Ich füge eine wortgetreue Übersetzung des betreffenden Aufsatzes bei, deren literarische und technische Mängel ich bitte entschuldigen zu wollen, für deren sachliche Genauigkeit ich aber die volle Garantie übernehme. Anbei auch, gemäß Ihrem Wunsch, Ihr vorletzter Brief an mich. Ich bitte Sie, die Güte zu haben, mir ihn jedenfalls zurückzusenden.

Zur Erläuterung des Sachverhaltes erlaube ich mir noch folgendes hinzufügen. Eine *offizielle* Urteilsbegründung in Sachen der hingerichteten Ingenieure wurde überhaupt nicht veröffentlicht. Von Seiten des GPU erfolgte nur eine kurze Mitteilung, laut der eine Verschwörung zur Schädigung des Transportwesens aufgedeckt wurde, und die Schuldigen gemäß Entscheidung des GPU zu verschiedenen Strafen (unter ihnen drei, Paltschinsky, von Meck und Welitschko – zum Tode) verurteilt wurden.

Eine Begründung des Urteils erhielt die russische Öffentlichkeit nur in Form des leichtsinnig-feuilletonistisch gefassten Aufsatzes in der Zeitung "Wetschernjaja Moskwa" ("Moskau am Abend"), die sogar die Namen der Hingerichteten nicht anführt. Formell betrachtet ist es eben überhaupt keine Urteilsbegründung, sondern eben ein Zeitungsartikel. Da aber die Zeitung (wie übrigens die ganze Tagespresse in Russland) von der Regierung der kommunistischen Partei geleitet wird und als Hauptstadtzeitung der Zentralverwaltung besonders nahe steht, und da auch keinerlei Widerlegung dieses Aufsatzes seitens der Regierung erfolgt ist, so muss sein Inhalt als eine offizielle Urteilsbegründung betrachtet werden.

Ich bitte Sie, mir zu glauben, dass ich bei meiner Bitte um Erlaubnis Ihren Brief zu veröffentlichen, nur von einem Zweck geleitet bin – der drohenden Möglichkeit weiterer solcher willkürlichen Hinrichtungen womöglich vorzubeugen.

Ich bitte auch nochmals, diese Belästigung mir entschuldigen zu wollen. Würde es sich nicht um eine für die Öffentlichkeit so wichtige Sache handeln, so hätte ich mir nie erlaubt, Ihre Zeit so viel in Anspruch zu nehmen.

In Erwartung Ihrer Entscheidung verbleibe ich mit vorzüglicher Hochachtung und besten Grüßen

Ihr sehr ergebener

S. Frank

Ребрюке, 21.VI.1929 г.

Глубокоуважаемый господин профессор Эйнштейн!

Сердечно благодарю Вас за готовность в принципе удовлетворить мою просьбу.

Прилагаю дословный перевод соответствующей статьи¹⁹ и прошу простить его литературные и технические недостатки, но за объективную его точность я беру на себя полную ответственность. К этому письму, согласно Вашему желанию, я также прилагаю Ваше предпоследнее письмо ко мне²⁰. Будьте столь добры и во всяком случае пришлите мне его обратно²¹.

Для разъяснения сложившегося положения дел я позволю себе добавить еще следующее. *Официального* обоснования приговора по делу казенных инженеров вообще не было опубликовано. Со стороны ГПУ последовало лишь краткое сообщение, согласно которому был раскрыт заговор о порче железнодорожного транспорта, а виновные, согласно решению ГПУ, были приговорены к различным наказаниям (из них трое — Пальчинский²², фон Мекк²³ и Величко²⁴ — к смерти)²⁵.

Обоснование приговора русская общественность получила лишь в виде легкомысленно-фельетонно написанной статьи в газете «Вечерняя Москва», которая даже не приводит имен казенных. С формальной точки зрения, это вообще не обоснование приговора, но именно газетная статья. Однако поскольку газетой (как, кстати, и всей дневной прессой в России) руководит правительство или коммунистическая партия и поскольку как столичная газета она особенно близка центральному управлению и поскольку со стороны правительства не последовало также никакого опровержения этой статьи, то ее содержание следует рассматривать как официальное обоснование приговора.

Прошу Вас поверить мне, что в своей просьбе о разрешении на публикацию Вашего письма я преследую одну лишь цель — по возможности предотвратить грозящую возможность других таких произвольных казней.

И еще раз прошу Вас извинить меня за беспокойство. Если бы речь не шла о таком важном для общественности деле, я бы никогда не позволил себе отнимать у Вас так много времени.

В ожидании Вашего решения, остаюсь с глубоким уважением и наилучшими пожеланиями,

весьма Вам преданный,

С. Франк

Эйнштейн Франку

Berlin. W. den 26. Juni 1929
Haberlandstr. 5

Sehr geehrter Herr Professor Frank!

Ich kann Ihnen den Vorwurf nicht ersparen, dass Sie mich bezüglich der Urteilsbegründung in irreführender Weise informiert haben, so dass mein Brief von neulich jede Unterlage verliert. Erstens handelt es sich um einen Artikel, der nicht von verantwortlicher Seite herrührt. Zweitens hat der Vorwurf absichtlich fehlerhafter Federung von Eisenbahnwagen in dem Artikel nur den Charakter einer nebensächlichen Bemerkung, ist aber keineswegs der Gegenstand der hauptsächlichen Anklage. Unter diesen Umständen kann ich den Abdruck meines unter falschen Voraussetzungen geschriebenen Briefes nicht gestatten.

Jedenfalls danke ich Ihnen sehr, dass Sie sich die Mühe gegeben haben, den Artikel vollständig zu übersetzen und mir dadurch einen möglichst vollständigen Einblick zu gewähren.

Es grüsst Sie freundlichst

Ihr A. Einstein

Берлин. W. 26 июня 1929 г.
Хаберландштр. 5

Многоуважаемый господин профессор Франк!

Не могу избавить Вас от упрека, что предоставленная Вами информация насчет обоснования приговора ввела меня в заблуждение, так что недавнее мое письмо теряет всякое основание. Во-первых, речь идет о статье, которая исходит от безответственной стороны. Во-вторых, упрек в преднамеренно бракованной системе амортизации железнодорожных вагонов в статье имеет характер побочного замечания, а вовсе не является предметом основного обвинения. В этих условиях я не могу разрешить перепечатку моего письма, написанного на основе ложных предпосылок.

Во всяком случае, весьма признателен Вам за то, что Вы взяли на себя труд перевести статью полностью и тем самым дали мне возможность составить полное представление о нем.

Самый дружеский привет Вам.

Ваш А. Эйнштейн

Франк Эйнштейну

Rehbrücke bei Potsdam
Villa Krizon
den 5.VII.1929.

Hochverehrter Herr Professor Einstein!

Von einer Reise zurückgekehrt, treffe ich hier Ihren Brief. Da Sie mir den schweren Vorwurf machen, Sie irregeleitet zu haben, so darf ich Sie wohl um die Geduld bitten, meine Antwort zu lesen. Ich werde Sie weiter mit Briefen nicht mehr belästigen, weil es keinen praktischen Zweck hat.

Ihren Vorwurf muss ich ganz entschieden zurückweisen. Wenn Sie sich die Mühe geben, den Bericht der "Voss[ischen] Zeitung" mit dem Inhalt des Aufsatzes der Moskauer Zeitung zu vergleichen, so werden Sie selber gestehen müssen, dass meine Behauptung, dieser Bericht wiedergäbe den Inhalt des russischen Aufsatzes ganz richtig, der Wahrheit entspricht. Dass "Seekrankheit"-Beschuldigung nur nebenbei vorkommt, hat gar keine prinzipielle Bedeutung, denn schon das Vorkommen solch einer Beschuldigung zeugt von einer entweder ganz krankhaften, oder ganz verlogenen Mentalität, deren Opfer die drei Ingenieure geworden sind. Übrigens sind die anderen Beschuldigungen nicht viel mehr wert. Oder halten Sie es für ganz normal, wenn Fachmänner hingerichtet werden, weil die von ihnen eingeführten Lokomotivtypen von Agenten der Geheimpolizei für unzumutbar oder zu kostspielig gehalten werden? Überhaupt konnte ich mir gar nicht vorstellen, dass der schamlos-demagogische, widerlich-leichtsinnige Aufsatz auf Sie nicht den Eindruck machen wird, denn²⁶ alle Russen von ihm haben, und den auch der Berichterstatte der "Voss[ischen] Zeit[ung]" hatte, nämlich, dass hier mit Menschenleben und Schicksal mindestens schauerhaft leichtsinniges Spiel getrieben wird.

Ihre Bemerkung, es handle sich hier um einen Aufsatz, der aus unverantwortlicher Quelle stammt, stützt sich auf westeuropäische Begriffe, die für Russland gar nicht passen. Das ist eben das entsetzliche, dass hochverdiente, von der Sowjetregierung selber mit Ordenszeichen geschmückte Fachmänner zuerst ohne öffentliche Gerichtsverhandlung und Urteilsbegründung erschossen werden, und dass dann nachträglich man diese Staatsaktion durch ein unverantwortliches Feuilleton zu begründen sucht. Dass es in Russland keine unabhängige Presse gibt, dass alle Zeitungen, und am meisten die Hauptstadtzeitungen, offiziellen Charakter tragen, so dass die Regierung und die herrschende Partei für sie tatsächlich verantwortlich ist,

weiß jedes Kind in Russland und werden auch Kommunisten mit einem Minimum von Gewissenhaftigkeit nicht ableugnen können.

Mithin habe ich Sie in keiner Hinsicht irregeleitet, sondern es ist mir nur nicht gelungen, Ihnen die entsetzliche Wahrheit in dieser Sache glaubhaft zu machen. Das ist aber keineswegs meine Schuld. Daran ist allein der Umstand schuld, — verzeihen Sie mir diese unumschränkte Aufrichtigkeit — dass Sie, der größte wissenschaftliche Geist im Gebiet der Naturforschung, in Sachen der russischen Revolution von einer *mythischen* Vorstellung befangen sind, die Sie geradezu verhindert, die Wahrheit zu erblicken, wie es vor Zeiten ganz ernste Denker und Forscher gab, die nicht im Stande waren, die Existenz der Sonnenflecken zu anerkennen, weil es ihren mythischen astronomischen Vorstellungen widersprach. Es ist Ihnen moralisch leichter, einen Ihnen bestens empfohlenen Kollegen der Irreleitung zu beschuldigen, als ein für jedes unvoreingenommene Bewusstsein offen vorliegendes, zynisches Verbrechen der Kommunisten zuzugeben.

In Paris fand eine von der linksrepublikanischen Gruppe der russischen Emigration einberufene Versammlung in dieser Angelegenheit statt, in der sowohl der Präsident der französischen Liga für Menschenrechte Victor Basch, als auch der Sozialistenführer Leon Blum sich unumwunden und scharf gegen dieses Verbrechen der Sowjetregierung ausgesprochen haben. Es tut nur leid, dass der große Name Albert Einsteins unter einem solchen Proteste fehlen muss.

Erlauben Sie mir noch eine letzte persönliche Bemerkung: Sie werden wahrscheinlich meinen, dass Sie in mir und meinesgleichen mit verbissenen Reactionären zu tun haben. Das ist aber nicht der Fall. In unserer Jugend haben wir alle stets gegen das Zarenregime für Freiheit und Demokratie, für Recht und Menschenwürde gekämpft. Es ist nicht unsere Schuld und zeugt von keinerlei politischen Fanatismus, dass wir auch jetzt, und gerade jetzt, trotzdem wir keine berufsmäßige Politiker sind, uns verpflichtet fühlen, diesen alten Kampf unter schwierigsten Bedingungen, gegen einen neuen, noch viel zynischeren Despotismus, zu führen, oder, genauer gesagt, nicht aufzuhören, gegen ihn im Namen der Freiheit und Menschenwürde zu protestieren (weil wir keinerlei aktive Politik treiben). Alles in Europa scheint sich gegen uns verschworen zu haben. Unser Trost liegt zunächst darin, dass es jedenfalls *ein* Volk gibt, das diesen kommunistischen Despotismus niemals anerkannt hat und anerkennen wird — das ist das russische Volk selber, das das herrschende System, als ein neues Tatarenjoch, empfindet. Und dann: wir erinnern uns daran, dass die Wahrheit schließlich immer den Sieg davontragen wird. Wie es einst der mutige Zola im Dreifussprozess sagte: La vérité est en marche et rien ne l'arrêtera.

Ich bitte nochmals um Entschuldigung, Ihre Zeit unnütz in Anspruch genommen zu haben. Ich bitte Sie zugleich, sich nicht verpflichtet zu fühlen, auf diesen meinen Brief zu antworten, obgleich ich natürlich stets sehr gern Ihrem eventuellen Briefe entgegentreffe und in allem, womit ich Ihnen dienen kann, stets Ihnen zur Verfügung stehe.

Mit vorzüglicher Hochachtung und besten Grüßen

Ihr sehr ergebener

S. Frank

Ребрюке у Потсдама
Вилла Кризон
5.VII.1929.

Глубокоуважаемый господин профессор Эйнштейн!

По возвращении из поездки нахожу здесь Ваше письмо. Поскольку Вы делаете мне тяжелый упрек в том, что я ввел Вас в заблуждение, то я позволю себе попросить Вас быть терпеливым и прочитать мой ответ. Впредь я больше не буду обременять Вас письмами, поскольку это не имеет никакого практического смысла.

Я должен совершенно решительно отвергнуть Ваш упрек. Если Вы возьмете на себя труд сравнить сообщение в газете Voss[ische] Zeitung с содержанием статьи в московской газете, то Вам самим придется признать, что мое утверждение о том, что это сообщение совершенно верно передает содержание русской статьи, соответствует истине. То, что обвинение в связи с «морской болезнью» возникает лишь мимоходом, не

имеет никакого принципиального значения, потому что уже только одно возникновение такого обвинения свидетельствует либо о совершенно болезненном, либо о совершенно ложном складе ума, чьими жертвами стали три инженера. Впрочем, другие обвинения ненамного ценнее. Или Вы считаете совершенно нормальным, когда казнят специалистов за то, что импортированные ими типы локомотивов были сочтены агентами тайной полиции нецелесообразными или слишком дорогостоящими? Я вообще совершенно не мог себе представить, что бесстыдно-демагогическая, омерзительно-легкомысленная статья не произведет на Вас того впечатления, которое она произвела на всех русских и которое было также и у автора статьи в Voss[ische] Zeit[ung] — а именно, что здесь с человеческой жизнью и судьбой ведется, по меньшей мере, жутко легкомысленная игра.

Ваше замечание о том, что речь здесь идет всего лишь о статье, возникшей из неофициального источника, опирается на западноевропейские понятия, которые совершенно не подходят для России. Ужас-то как раз в том и состоит, что весьма заслуженные, самым советским правительством украшенные орденами специалисты сначала расстреливаются без публичного судебного разбирательства и обоснования приговора и что затем постфактум эту государственную акцию пытаются обосновать безответственным фельетоном. Что в России нет независимой прессы и все газеты, и более всего столичные издания, носят официальный характер, так что фактически за эту прессу отвечает правительство и правящая партия, об этом в России знает каждый ребенок и этого не смогут отрицать даже коммунисты, имеющие хотя бы минимум совести.

Следовательно, я никоим образом не вводил Вас в заблуждение, но мне лишь не удалось достоверно довести до Вас ужасную правду, связанную с этим делом. Но это отнюдь не моя вина. Повинно в этом исключительно то обстоятельство, — простите мне мою безграничную прямооту, — что Вы, величайший научный ум в области исследования природы, в вопросах русской революции находитесь в плену у *мифического* представления, которое прямо мешает Вам увидеть правду, подобно тому как прежде были серьезные мыслители и исследователи, которые не были в состоянии признать существование пятен на солнце, потому как это противоречило их мифическим астрономическим представлениям. Для Вас морально легче обвинить самым лучшим образом рекомендованного Вам коллегу во введении в заблуждение, чем признать циничное преступление коммунистов, являющееся для каждого непредубежденного сознания очевидным.

В Париже по этому делу состоялось созданное левореспубликанской группой русской эмиграции собрание²⁷, в котором прямо и резко против этого преступления советского правительства высказались как президент французской Лиги по правам человека Виктор Баш²⁸, так и лидер социалистов Леон Блюм²⁹. Мне очень жаль, что великое имя Альберта Эйнштейна не значится ни под одним подобным протестом.

Позвольте мне еще одно последнее личное замечание: Вы, вероятно, полагаете, что в моем лице и в лице мне подобных Вы имеете дело с яростными реакционерами. Но это не так. В молодости мы все постоянно боролись против царского режима за свободу и демократию, за право и человеческое достоинство. В том, что мы сейчас и именно сейчас, — несмотря на то, что не являемся профессиональными политиками, — чувствуем себя обязанными вести эту старую борьбу в тяжелейших условиях против нового, еще более циничного деспотизма, нет ни нашей вины, ни свидетельства какого-либо политического фанатизма. Или, точнее сказать, мы и не прекращали протестовать против него во имя свободы и человеческого достоинства (потому что мы никоим образом не занимаемся активной политикой). Кажется, всё в Европе вступило в заговор против нас. Наше утешение состоит прежде всего в том, что в любом случае есть *один* народ, который никогда не признавал и никогда не признает этот коммунистический деспотизм — это сам русский народ, который воспринимает господствующую систему как новое татарское иго. И потом: мы помним о том, что истина, в конце концов, всегда побеждает. Как однажды сказал мужественный Золя по делу Дрейфуса³⁰. La vérité est en marche et rien ne l'arrêtera³¹.

Я еще раз прошу прощения, что напрасно потратил Ваше время. Вместе с тем я прошу Вас не чувствовать себя обязанным отвечать на это письмо, хотя я, разумеется, всегда с радостью ожидаю возможного письма от Вас и во всем, чем могу Вам служить, всегда в Вашем распоряжении.

С глубочайшим уважением и наилучшими пожеланиями,
весьма Вам преданный,
С. Франк

Эйнштейн Франку

Berlin. W. den 7. Juli 1929
Haberlandstr. 5

Sehr geehrter Herr Professor Frank!

Ich behaupte keineswegs, dass die Verurteilung der drei Ingenieure berechtigt gewesen sei. Auch habe ich nie einen Hehl daraus gemacht, dass ich mit den System der politischen Gewalttat nicht einverstanden bin. Aber da in meinen Augen im vorliegenden Falle der Beweis eines Justizmords nicht vorliegt, so bin ich ausser Stande, dagegen aufzutreten. Dies ist umso mehr geboten, als es mir wohlbekannt ist, dass über Russland systematisch gelogen wird, um in der arbeitenden Bevölkerung der westlichen Staaten keine Solidaritätsgefühle für die Sowjets aufkommen zu lassen. Ihre Meinung, dass ich zugunsten der russischen Machthaber irgendwelche Vorurteile hege, trifft nicht zu. Andererseits aber werde ich durch meine besten Freunde und Mitarbeiter von dem vortrefflichen Geist unterrichtet, der in der russischen Studenten- und Gelehrtenwelt herrscht. Es kann also nicht alles so trübe sein, wie es sich in Ihrem Geiste darstellt. Das zu hören, kann Ihnen doch nur angenehm sein.

Es grüsst Sie herzlich
Ihr A. Einstein

Берлин. W. 7 июля 1929 г.
Хаберландштр. 5

Многоуважаемый господин профессор Франк!

Я вовсе не утверждаю, что осуждение трех инженеров было справедливым. Кроме того, я никогда не скрывал, что не согласен с системой политического насилия. Но поскольку, на мой взгляд, в данном случае отсутствует доказательство юридически осуществленного убийства, то я не чувствую себя в праве выступить против. Так поступить тем более необходимо, поскольку мне хорошо известно, что о России распространяется систематическая ложь для того, чтобы среди трудящихся западных стран не возникали чувства солидарности с Советами. Ваше мнение, будто я питаю какие-то предрассудки в пользу русских властей, не соответствует действительности. С другой же стороны, лучшие мои друзья и сотрудники информируют меня о превосходной атмосфере, которая царит в России в среде студенчества и ученых. Таким образом, не все, может быть, так мрачно, как Вам это представляется. И слышать об этом Вам должно быть только приятно.

Сердечный Вам привет
Ваш А. Эйнштейн

Эйнштейн Франку

Berlin. W. den 12. November 1929
Haberlandstr. 5

Herrn Professor S. Frank
Berlin-Charlottenburg
Neue Kantstr. 27

Lieber Herr Professor Frank!

Durch die Vorkommnisse der letzten Zeit halte auch ich es für erwiesen, dass die russischen Behörden aus politischen Gründen Unschuldige auf Grund falscher Beschuldigungen töten lassen, um zu versuchen, die Verantwortung für missglückte Unternehmungen von sich abzuwälzen. Ich bin nun überzeugt, dass Sie schon das erste Malrecht gehabt haben. Ich brauche Ihnen wohl nicht besonders zu sagen, dass ich diese Methoden unbedingt verurteile. Ich bin auch überzeugt, dass man auf solche Weise kein gutes Ziel erreichen kann.

Herzlich grüsst Sie
Ihr A. Einstein

Берлин. W. 12 ноября 1929 г.
Хаберландштр. 5

Господину профессору С. Франку
Берлин-Шарлоттенбург
Нойе Кантштр. 27

Дорогой господин профессор Франк!

Вследствие событий последнего времени я тоже считаю доказанным, что в России по политическим причинам власти позволяют убивать невинных людей на основе ложных обвинений для того, чтобы сложить с себя ответственность за неудачи своих начинаний. Теперь я убежден, что Вы были правы уже и в первом случае. Вряд ли мне нужно специально говорить Вам о том, что я безусловно осуждаю эти методы. И я убежден, что таким образом невозможно достичь благой цели.

С сердечным приветом
Ваш А. Эйнштейн

Франк Эйнштейну

Berlin-Charlottenburg
Neue Kantstr. 27,
Tel. Westend 9-42
den 14.XII.29.

Hochverehrter Herr Professor Einstein!

Hiermit erlaube ich mir, einen Artikel aus der "Vossischen Zeitung" zu übersenden, der eine unmittelbare Beziehung zum Thema unseres Briefwechsels im Sommer dieses Jahres hat. Damals hatten Sie in Ihrem letzten Brief Zweifel geäußert, ob in dem besprechenden Fall tatsächlich Justizmord vorliege. Ich wollte damals mit weiteren Briefen Ihre Zeit nicht mehr in Anspruch nehmen. Ich war und bin auch jetzt der Meinung, dass der Begriff "Justizmord" hier allerdings, wegen prinzipieller Ausschaltung jeglicher Gerichtsverhandlung, ganz unpassend ist, dass hier aber ein einfacher Mord vorliege, beschlossen und vollführt von Beamten der Sowjetregierung (anders kann die Hinrichtung nicht qualifiziert werden, auch wenn die ermordeten Ingenieure tatsächlich schuldig wären). — Im beiliegenden Aufsätze der "Voss[schen] Zeitung" können Sie sowohl die Bestätigung dieser meiner Meinung, als auch einen Einblick in die Mentalität, die solche Morde prinzipiell rechtfertigt, erhalten.

Ich hoffe, Sie werden mir nicht übel nehmen, dass ich mir erlaube, Ihre Aufmerksamkeit auf diese für Sowjetssitten so charakteristische Angelegenheit zu lenken.

Mit vorzüglicher Hochachtung und besten Grüßen
ergebenst S. Frank

Глубокоуважаемый господин профессор Эйнштейн!

Вместе с этим письмом я позволю себе переслать Вам статью из газеты Vossische Zeitung, которая имеет непосредственное отношение к теме нашей летней переписки этого года³². Тогда в своем последнем письме Вы выразили сомнение в том, было ли действительно в обсуждавшемся случае совершено судебное убийство. Тогда я не захотел больше занимать Ваше время дальнейшими письмами. Я придерживался и придерживаюсь до сих пор того мнения, что понятие «судебное убийство» здесь, правда, из-за принципиального исключения какого-либо судебного разбирательства, является совершенно неподходящим, но что здесь имеет место простое убийство, решение о котором и исполнение которого произвели чиновники советского правительства (иначе эта казнь не может быть квалифицирована, даже в том случае, если бы убитые инженеры действительно были виновны). В прилагаемой статье из Voss[ische] Zeitung Вы сможете не только найти подтверждение этого мнения, но и ознакомиться с тем менталитетом, который принципиально оправдывает такие убийства.

Надеюсь, что Вы не обидитесь на меня за то, что я позволяю себе обратить Ваше внимание на это столь характерное для советских нравов дело.

С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями,
преданнейший С. Франк

Франк Эйнштейну

Berlin-Charlottenburg
Neue Kantstr. 27,
den 30. September 1930.
Teleph. Westend 9—42

Hochverehrter Herr Professor Einstein!

Verzeihen Sie, dass ich nochmals Ihre Zeit in Anspruch nehmen muss. Ich fühle mich verpflichtet, Ihre Aufmerksamkeit nochmals auf das Unerhörte und Entsetzliche zu richten, was jetzt in Sowjetrußland geschieht. Vor etwa einem Jahr hatten wir einen Briefwechsel in Betreff der Eisenbahningenieure, die ohne Gerichtsverhandlung hingerichtet worden sind. Jetzt sind Ereignisse analoger Art in Sowjetrußland geschehen, aber in einem Umfang und in einer Form, die auch für uns, die schon vieles sittlich unmögliche der Sowjetregierung sahen, unglaublich und ganz unerwartet erscheinen. Vor einigen Tagen kam die offizielle Meldung, dass 48 Personen, teilweise bedeutende Wissenschaftler, die im Ernährungswesen tätig waren (Prof. Rjasanzeff, Prof. Karatygin u.a.), verhaftet und schon nach ein paar Tagen, ohne Gerichtsverhandlung, ja diesmal ohne eine irgend gründliche Polizeiuuntersuchung, alle summarisch hingerichtet worden sind, unter der Beschuldigung, dem Ernährungswesen absichtlich geschädigt zu haben. Eine andere Gruppe von ca. 20 Personen, unter denen sehr angesehene Gelehrte befinden³³, die im Finanz- und Wirtschaftsministerium arbeiteten und hohe Posten hatten (wie z. B. Prof. Jurowsky, der Schöpfer der Sowjetwährung — des Tscherwonetz, der in deutschen Kreisen hochgeschätzte Nationalökonom Prof. Kondratjew u. a. mehr), ist seit Juli verhaftet und harret ihres Schicksals. Es wird offiziell gemeldet, sie hätten ihre Schuld bekannt (sie hätten nämlich bekannt, dass sie mit konterrevolutionären Organisationen in Verbindung standen und sich bemühten das Wirtschaftswesen zu zerrütten). Wir, die wir die meisten von diesen Männern von früheren Jahren kennen, wissen mit voller Bestimmtheit, dass diese Beschuldigungen ihnen gegenüber grund- und sinnlos sind: es sind sämtlich Männer, die alle ihre Kräfte dem Wirtschaftsaufbau von Sowjetrußland widmeten und keinerlei Beziehungen zu ihren ehemaligen Kollegen in der Emigration hatten. Nur eine von zwei Möglichkeiten ist hier vorhanden: entweder wurde von ihnen durch moralische Folter eine³⁴ falsche

Бекеннтнис erzvungen, oder aber auch, ohne dass sie geschehen ist in den Zeitungen veröfientlicht. Eine Reihe von bedeutenden Mitgliedern der Akademie der Wissenschaft ist verhaftet unter der Beschuldigung, Dokumente aus dem Bürgerkriege in den Archiven der Akademie bewahrt zu haben, ohne sie dem GPU anzuzeigen. Auch sämtliche russische Historiker, die in Berlin unter Führung von leitenden Sowjetsbeamten im vorigen Jahre tagten, sind verhaftet. Es handelt sich um eine systematische Aktion: die Vernichtung aller russischen unparteilichen intellektuellen Kräfte, die diese ganzen Jahre loyal der Sowjetregierung dienten (bis jetzt sind nur die Naturwissenschaftler allein von dieser Aktion ausgenommen — auf wie lange, kann jetzt niemand mehr wissen).

Für uns ist es ganz klar, dass diese Aktion gegenüber ganz unschuldigen Männern nur zwei Zwecke verfolgen kann: erstens versucht man, der von Hunger und Not murrenden Bevölkerung — insbesondere den Arbeitern — zu beweisen, dass an dem Misserfolge des wirtschaftlichen Aufbaues geheime Feinde der Regierung schuld sind — man wirft der Masse geschlachtetes Menschenfleisch hin, um ihrem Grolle zu entgehen; und dann duldet die herrschende politische Richtung nur einen Kadavergehorsam, und jegliche Spur von unabhängiger Meinung auch von Freunden und Mitarbeitern der Sowjetregierung soll rücksichtslos ausgerottet werden. Deswegen findet³⁵ jetzt — ohne jegliche Übertreibung — eine massenhafte Ermordung oder Vernichtung (denn die Verurteilung zu Zwangsarbeiten auf der Insel Solowki ist auch eine langsame Todesstrafe) der russischen Intellektuellen, die die größten Dienste der Sowjetregierung erwiesen haben. Eine Zeit von unerhörter Grausamkeit und Unmenschlichkeit, die Russland seit Iwan dem Schrecklichen nicht kannte, ist dort ausgebrochen.

Wie lange wird Westeuropa und namentlich Deutschland dem ruhig und schweigsam zusehen? Gibt es noch humanitäre Kreise in Deutschland, die im Namen der Kultur, der Menschenrechte, der Wissenschaft ihre Stimme dagegen erheben gewillt wären? Es handelt sich nicht um Politik, — es handelt sich um reine Menschlichkeit. Wir erstreben keinerlei politische Einmischung — wir sehnen uns nur, die Stimme des Gewissens der unabhängigen Gelehrten- und Kulturkreise Deutschlands zu hören, die vielleicht doch ihre Wirkung auf die jetzigen Herrscher in Russland nicht verfehlen wird. Ich muss offen gestehen — nach allen unseren Erfahrungen haben wir wenig Hoffnung, dass unsere Bitte erhört wird. Wir können aber nicht mehr schweigen.

Mit vorzüglicher Hochachtung und besten Grüßen
ergebenst S. Frank

Берлин-Шарлоттенбург
Нойе Каншттр. 27,
30 сентября 1930 г.
Телеф. Вэстэнд 9—42

Глубокоуважаемый господин профессор Эйнштейн!

Простите меня за то, что я еще раз должен занять Ваше время. Я чувствую себя обязанным еще раз обратить Ваше внимание на то неслыханное и ужасное, что сейчас происходит в Советской России. Около года тому назад у нас была переписка, касающаяся инженеров железнодорожного транспорта, которые были казнены без судебного разбирательства. Сейчас в Советской России произошли события аналогичного рода, но в таком объеме и такой форме, которые даже для нас — тех, кто видел уже много морально недопустимого, осуществлявшегося советским правительством, — кажутся невероятными и совершенно неожиданными. Несколько дней назад появилось официальное сообщение о том, что 48 человек³⁶, — часть из которых видные ученые, занимавшиеся вопросами продовольственного снабжения (проф. Рязанцев³⁷, проф. Каратыгин³⁸ и пр.), — были арестованы и уже через несколько дней без судебного разбирательства, и в этот раз даже без какого-либо основательного полицейского расследования, все сразу были казнены по обвинению в умышленном причинении вреда продовольственному снабжению. Другая группа около 20 человек, среди которых находятся очень уважаемые ученые, работавшие в министерстве финансов и экономики и

занимавшие высокие должности (как, к примеру, проф. Юровский³⁹, создатель советской валюты — червонца, и высоко ценимый в немецких кругах экономист проф. Кондратьев⁴⁰ и мн. др.), арестована в июне и ожидает своей судьбы. Официально сообщается, что они признали свою вину (а именно они признали, что находились в связи с контрреволюционными организациями и пытались разрушить экономику). Мы, кто был знаком с большей частью этих людей раньше, с полной определенностью знаем, что эти обвинения, выдвинутые в их адрес, безосновательны и бессмысленны: все они люди, которые посвятили все свои силы экономическому строительству Советской России и не имели никаких связей со своими бывшими коллегами в эмиграции. Здесь налицо только одна из двух возможностей: либо от них посредством моральных попыток добились ложного признания, либо — если этого признания не произошло — его просто опубликовали в газетах. Ряд видных членов Академии наук был арестован по обвинению в том, что они хранили в архивах Академии документы периода Гражданской войны, не уведомив о них ГПУ⁴¹. Также были арестованы все русские историки, которые в прошлом году заседали в Берлине под руководством ведущих советских чиновников⁴². Речь идет о систематической акции — уничтожении всех русских непартийных интеллектуальных сил, которые все эти годы верно служили Советской власти (на сегодняшний день одни только представители естественных наук исключены из этой акции — надолго ли, этого сейчас уже никто не может знать).

Для нас совершенно ясно, что эта акция, направленная против совершенно невинных людей, может преследовать лишь две цели: во-первых, попытку доказать ропщущему от голода и нужды населению, в особенности рабочим, что в неудаче экономического строительства повинны тайные враги правительства. Массе бросают забитое человеческое мясо для того, чтобы избежать ее гнева; а потом господствующая политическая линия терпит только рабское подчинение, а всякий след независимого мнения даже у друзей и работников советской власти должен быть безжалостно искоренен. Поэтому сейчас — без всякого преувеличения — происходит массовое убийство или уничтожение (так как осуждение на принудительные работы на острове Соловки является тоже медленным смертным приговором) русских интеллигентов, сослуживших огромную службу советскому правительству. Там настало время неслыханной жестокости и бесчеловечности, которого Россия не знала с эпохи Ивана Грозного.

Как долго будет Западная Европа и особенно Германия смотреть на это спокойно и молчаливо? Есть ли еще человеколюбивые круги в Германии, которые захотели бы поднять свой голос против этого во имя культуры, прав человека, науки? Речь не идет о политике, речь идет только о человечности. Мы никоим образом не стремимся к политическому вмешательству — мы лишь жаждем услышать голос совести независимых научных и культурных кругов Германии, который, быть может, все же окажет влияние на нынешних правителей в России. Я должен искренне признаться — исходя из всего нашего опыта у нас мало надежды на то, что наша просьба будет услышана. Но мы не можем больше молчать.

С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями,
Преданный Вам С. Франк

Примечания:

¹ Русский научный институт в Берлине был открыт в феврале 1923 г. В его создании принимали участие Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.И. Гессен и Б.П. Вышеславцев при поддержке многих представителей интеллектуальных кругов Германии. К примеру, в Берлине в его поддержку удалось собрать около 5000 франков. См.: [Hoover Institution Archives].

² Письма с запросом в нашем распоряжении нет.

³ Тейтель Яков Львович (1851–1939) — российский юрист и еврейский общественный деятель. Оказавшись в Германии после русской революции, Я.Л. Тейтель стал президентом Союза русских евреев в Германии.

⁴ Кон Эмиль (1881–1948) — немецкий писатель, адвокат, последователь сионизма.

⁵ Имеется в виду работа М. Горького «О Гарине-Михайловском» 1927 г., где Горький пишет: «Мне посчастливилось встретить человека шесть веселых праведников; наиболее яркий из них — Яков Львович Тейтель, бывший судебный следователь в Самаре, некрещеный еврей... Вполне солидный возраст Тейтеля нисколько не мешает ему делать привычное дело, которому он посвятил

всю свою жизнь: он все так же неутомимо и весело любит людей и так же усердно помогает им жить, как делал это в Самаре, в 95–96 годах» [Горький 1983, 131].

⁶ 6 марта 1923 г. Президиум Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР принял решение о создании русско-германского общества «Культура и техника». 8 марта 1924 г. на собрании группы учредителей был принят устав общества. 16 февраля 1925 г. создано первое собрание членов общества. В состав его совета вошли Г.М. Кржижановский, Л.Б. Красин, С.А. Левитин, Л.К. Мартенс, Н.А. Семашко, С.Ф. Ольденбург, А.Н. Реформатский, А.Ф. Иоффе, О.Ю. Шмидт и др. Председателем президиума Совета общества избран Б.С. Стомоняков, почетными председателями — А. Эйнштейн, А.И. Рыков. Ликвидировано 26 марта 1937 г. решением Совещания Президиума советско-германского общества.

⁷ Подразумевается Союз русских евреев в Германии, возглавляемый Я.Л. Тейтелем.

⁸ Шахтинский процесс, или Шахтинское дело («Дело об экономической контрреволюции в Донбассе») — инсценированный судебный процесс, проходивший с 18 мая по 6 июля 1928 г., по результатам которого 11 человек было приговорено к расстрелу; для шестерых из приговоренных расстрел был заменен 10 годами лишения свободы. Всего по Шахтинскому делу проходило 53 человека, среди них пятеро было гражданами Германии.

⁹ Рабинович Лазарь Германович (1860–1934) — горный инженер, член Государственной думы II созыва, один из руководителей работ по реконструкции Донбасса при советской власти. По итогам Шахтинского процесса был приговорен к 6 годам лишения свободы. Имя Л.Г. Рабиновича упоминается в протесте немецких политиков против Шахтинского дела, высказанном в июле 1928 г. В тексте протеста говорится: «...учитывая преклонный возраст обвиняемого и тяжелые условия жизни, длительное лишение свободы равняется смертному приговору» [Gewissen der Sowjetmachthaber 1928, 1].

¹⁰ Имеется в виду высказывание И. Канта, сделанное в связи со «спором факультетов» и с позицией прусского короля Фридриха: «Отречение от своего внутреннего убеждения... есть низость, но молчание в случае, подобном настоящему, есть долг подданного. Все, что говорится, должно быть правдой, но нельзя считать обязанностью говорить каждую правду публично». Цит. по: [Филиппов 1893 web].

¹¹ В газете «Правда» от 31.08.1922 г. вышла статья с характерным подзаголовком «Первое предупреждение», где говорилось: «По постановлению» Государственного Политического Управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов, высылаются частью в Северные губернии России, частью за-границу... Советская власть обнаружила слишком много терпения по отношению к этим элементам, надеясь, что они поймут бессмысленность своих надежд на возвращение к прошлому. Она предоставляла им полную возможность работать для дела восстановления нашего хозяйства и для действительно научной работы. Но кадетствующие элементы не пожелали пойти по этой дороге». Кроме того, в этой же статье говорилось о том, что «буржуазные профессора» в области философии «проповедовали мистицизм и поповщину, заваливали многочисленные частные издательства модернизированной идеологией средневековья». В качестве еще одного обвинения фигурировало то, что «эти группы находились в тесной связи с нашей белогвардейской эмиграцией, получающей деньги от враждебных нам буржуазных правительств, и всячески дискредитировали все выступления Советской власти на международной арене» [Первое предупреждение 1922, 1], см. также [Коган 1993].

¹² В беседе с американской журналисткой Луизой Брайант, опубликованной в газете «Известия» 30.08.1922 г. под заголовком «Тов. Троцкий об отношении Европы и Америки», Л.Д. Троцкий говорил: «Те элементы, которых мы высылаем и будем выселять, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, — а они, несмотря на наше миролюбие, не исключены, — все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политическими агентами врага. И мы вынуждены будем расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас, в спокойный период, выселять их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением» [Беседа с Троцким 1922, 1].

¹³ Опыту над животным [малоценным существом] (лат.)

¹⁴ Эйнштейн имеет в виду выпуск *Vossische Zeitung* № 249 от 29.05.1929 г., где на первой полосе была помещена статья «Seekrankheit auf der Eisenbahn». *Weswegen man im Sowjet-Reich erschossen wird* («Морская болезнь на железной дороге». Почему расстреливают людей в советской империи»). Подобный необычный заголовок связан с тем, что в немецкой газете даются выдержки из советской газеты «Вечерняя Москва» от 28.05.1929 г. В одном из цитируемых отрывков говорится, что «...для того, чтобы разрушить веру путешествующих по железной дороге в советскую власть, они (заговорщики. — Т.О., А.Ц.) изобрели такие вагоны, использование которых вызывает морскую болезнь» [Seekrankheit 1929, 1]. В оригинальном русском тексте газетной статьи, вышедшей под заголовком «Вредители на транспорте. Заговор, который ликвидирован», говорится: «Мекки учитывали даже все мелочи, которые могли бы восстановить пассажира против советской власти. Они, в попытке расстроить наш вагонный парк, дошли до того, что выдумали вагоны особой конструкции, езда в которых вызывает переживание морской качки» [Вредители на транспорте 1929, 1].

¹⁵ Якубовский Йозеф (1895–1926) — поляк по происхождению, который был ложно обвинен в убийстве трехлетнего Эвальда Ногенса (Ewald Nogens) — внебрачного сына своей сожительницы Инс Ногенс (Ins Nogens), умершей незадолго до этого — и обезглавлен. Однако уже спустя несколько лет невиновность Якубовского была доказана. «Дело Якубовского» подорвало авторитет юстиции в Веймарской республике и вплоть до прихода к власти А. Гитлера в стране практически не выносились смертные приговоры.

¹⁶ Перевод газетной статьи из 119 номера «Вечерней Москвы» от 28.5.1929 г. С.Л. Франк отправил А. Эйнштейну вместе с письмом от 21.6.1929 г.

¹⁷ Немецкая Лига по правам человека (нем. Deutsche Liga für Menschenrechte) была основана 16 ноября 1914 г. под названием «Союз нового Отечества» (нем. Bund Neues Vaterland). Среди ведущих представителей Лиги в межвоенный период были К. Гроссман, К. фон Осецкий, А. Эйнштейн, К. Тухольский. С приходом к власти национал-социалистов деятельность Лиги была запрещена, а ее архив уничтожен.

¹⁸ «Руль» — ежедневная эмигрантская газета, издававшаяся в Берлине с 1920 по 1931 гг.

¹⁹ См. сноску № 16.

²⁰ См. сноску № 16.

²¹ Ныне это письмо хранится в Бахметьевском архиве, Нью-Йорк, США.

²² Пальчинский Петр Акимович (1875–1929) — российский инженер и экономист. Расстрелян 22 мая 1929 г. по обвинению во вредительстве на железнодорожном транспорте и в золотоплатиновой промышленности.

²³ Фон Мекк Николай Карлович (1863–1929) — российский предприниматель, до революции возглавлявший Общество Московско-Казанской железной дороги, в советской России начальник экономической секции центрально-планового управления НКПС. Расстрелян в мае 1929 г. по обвинению в «контрреволюционной вредительской организации в НКПС и на железных дорогах СССР».

²⁴ Величко Александр Федорович (1879–1929) — член президиума Всесоюзной ассоциации инженеров и председатель транспортной секции. Расстрелян в мае 1929 г. по обвинению в «контрреволюционной вредительской организации в НКПС и на железных дорогах СССР».

²⁵ Информация о расстреле П.А. Пальчинского, Н.К. фон Мекка и А.Ф. Величко была также напечатана в статье в [Moskau 1929, 1] под заголовком Moskau lässt erschießen. Die G.P.U. an der Arbeit («Москва приказывает расстрелять. ГПУ за работой»).

²⁶ Здесь С.Л. Франком была сделана описка. Грамматически корректно: *den*.

²⁷ О каком собрании идет речь, установить не удалось.

²⁸ Баш Виктор (1863–1944) — французский философ и политик, один из основателей французской Лиги по защите прав человека (фр. Ligue française pour la défense des droits de l'homme et du citoyen). С 1926 г. был президентом Лиги.

²⁹ Блюм Андре Леон (1872–1950) — французский политики-социалист, один из организаторов французского Народного фронта.

³⁰ Дело Дрейфуса — судебный процесс 1894 г., проходивший во Франции и породивший значительный социальный конфликт в конце XIX — начале XX в. По результатам процесса офицер французского генерального штаба Альфред Дрейфус, еврей по происхождению, был обвинен в шпионаже в пользу Германской империи и приговорен к пожизненному заключению на основании фальшивых документов.

³¹ «Истина неуклонно прокладывает себе дорогу» (фр.) — фрагмент из статьи Э. Золя «Я обвиняю» (J'accuse), которая была напечатана в газете L'Aurore 13 января 1898 г. В статье Э. Золя обвиняет французское правительство в антисемитизме и противозаконном заключении в тюрьму Альфреда Дрейфуса.

³² Возможно, речь идет о выпуске Vossische Zeitung от 1.12.1929 г., в котором помещена статья с характерным заголовком Weitere Verhaftungen in Russland. Die G.P.U. an der Arbeit («Новые аресты в России. ГПУ за работой»). В статье сообщается об арестах в Ленинграде 27 участников секты скопцов. В качестве причины ареста, по сообщению немецкой газеты, выступает «антисоветская пропаганда». Кроме того, в статье сообщается о завершении процесса над ведущими служащими государственного банка в Запорожье, по результатам которого двое подсудимых были приговорены к смерти, а остальные лишены свободы на длительный срок. См.: [Weitere Verhaftungen 1929, 3].

³³ Упущено возвратное местоимение *sich*.

³⁴ Перепутан род существительного. В немецком языке существительное das Bekenntnis (признание) среднего рода, отсюда грамматически точнее: «ein falsches Bekenntnis erzwungen, oder aber auch, ohne dass es (das) geschehen ist».

³⁵ Упущена отделяемая приставка в глаголе stattfinden (происходить, состояться). Грамматически точнее: «Deswegen findet jetzt — ohne jegliche Übertreibung — eine massenhafte Ermordung oder Vernichtung (denn die Verurteilung zu Zwangsarbeiten auf der Insel Solowki ist auch eine langsame Todesstrafe) der russischen Intellektuellen statt».

³⁶ В 262 номере газеты «Правда» от 22.09.1930 г. вышла статья под заголовком «Раскрыта контрреволюционная организация вредителей рабочего снабжения». Это дело также известно, как дело «48», по количеству расстрелянных по его итогам. См.: [*Раскрыта контрреволюционная организация* 1930, 3–4].

³⁷ Рязанцев Александр Васильевич (1874–1930) — профессор, специалист по холодильному делу, автор курса лекций «Холодильное дело. Краткое изложение основ холодильного дела в приложении его к хранению пищевых продуктов». Осенью 1930 г. был обвинен в контрреволюционной деятельности и во вредительстве «рабочего снабжения». Расстрелян осенью 1930 г.

³⁸ Каратыгин Евгений Сергеевич (1872–1930) — профессор, писатель, редактор, крупный специалист по холодильному делу. Один из участников так называемого дела «вредителей рабочего снабжения». Расстрелян осенью 1930 г.

³⁹ Юровский Леонид Наумович (1884–1938) — российский экономист, специалист по денежному обращению. Л.Н. Юровский был арестован в 1930 г. по так называемому делу «Трудовой крестьянской партии» и приговорен к 8 годам заключения. В 1934 г. был освобожден по болезни. В конце 1937 г. вновь арестован и в сентябре 1938 г. расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности. С.Л. Франк и Л.Н. Юровский работали вместе в Саратовском университете и, по воспоминаниям Т.С. Франк, вместе покинули Саратов осенью 1921 г., отправившись в Москву в одном товарном вагоне. См.: [Саратовский текст 2006, 188].

⁴⁰ Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) — экономист-теоретик, создатель теории цикличности экономического развития («Циклы Кондратьева»). В 1930 г. был арестован по делу «Трудовой крестьянской партии» и приговорен к 8 годам заключения. В сентябре 1938 г. расстрелян.

⁴¹ Имеется в виду так называемое «дело академиков» («дело Академии наук», «дело Платонова») — сфабрикованное ОГПУ дело, направленное в первую очередь против представителей гуманитарной науки. Аресты по указанному делу начались в конце 1929 г. По итогам постановления ОГПУ в 1931 г. часть фигурантов была расстреляна, часть приговорена к заключению и ссылке. См. подробнее: [Ананьич, Панеях 1999].

⁴² Подразумевается неделя советской исторической науки в Берлине, проходившая 7–14 июля 1928 г. Мероприятие было организовано «Обществом по изучению Восточной Европы». С советской стороны выступали такие историки, как М.Н. Покровский, С.Ф. Платонов, В.В. Адоратский, М.К. Любавский, С.М. Дубровский, Д.М. Егоров и пр. Большая часть выступавших впоследствии станет фигурантами в «деле академиков». Подробнее о неделе советской исторической науки в Берлине см.: [Минц 1928].

*Публикация писем С.Л. Франка — Т. Оболевич и А. Цыганкова
Публикация писем А. Эйштейна — В. Хазана и В. Янца
Перевод с немецкого писем Франка — А. Цыганкова
Перевод с немецкого писем А. Эйштейна — В. Янца
Предисловие и комментарии к письмам
С.Л. Франка и А. Эйштейна — Т. Оболевич и А. Цыганкова*